

Костяной капеллан

Автор:

Питер Маклин

Костяной капеллан

Питер Маклин

Война за трон Розы #1Шедевры фэнтези

Война закончилась, и армейский капеллан Томас Благ держит путь домой вместе с остатками своего отряда. Когда-то, еще в мирное время, он заправлял бандой и своих навыков не забыл. Но теперь его криминальная империя разрушилась, родные места захватили чужаки, а люди Эллинбурга – его города – голодают, оставшись без крова и надежды. И тогда Томас вместе с другими потрепанными жизнью ветеранами решает вернуть то, что потерял. Любыми средствами. Но начав борьбу за передел власти, он попадает в хитроумную сеть политических интриг и понимает, что ставки в затеянной им игре будут гораздо выше, чем казалось на первый взгляд. Ведь в этом мире святость – не пустой звук, а за тонкой пеленой реальности таится нечто такое, с чем даже отъявленные головорезы не хотели бы столкнуться в темном переулке.

Питер Маклин

Костяной капеллан

Диане. Навечно

Коль преступить закон – то ради царства.

Юлий Цезарь

© Peter McLean © PRIEST OF BONES

© Евгений Романин, перевод, 2020

© К. А. Терина, иллюстрация, 2020

© ООО «Издательство АСТ», 2020

Действующие лица

Семейство Благов

ТОМАС БЛАГ – полковой капеллан, старый солдат и делец. Предводитель Благочестивых. Ваш рассказчик.

ЙОХАН БЛАГ – его младший брат, отличается буйным нравом.

ЭНЕЙД БЛАГ – их любящая тётушка, сестра их отца. Старая дева лет шестидесяти. Участвовала в последней войне и умеет за себя постоять.

Отряд Томаса

АННА КРОВАВАЯ – сержант, бравый солдат и верный друг. Всегда любила биться врукопашную, отчего и получила такое прозвище.

СЭР ЭЛАНД – лжерыцарь с глазами ласки. Доверять ему не стоит.

ДЮК – капрал-психопат. В отряде зовут его Дюк-Пиздюк, но исключительно за глаза.

БРАК – подручный Дюка, юный налётчик, годов двадцати. Храбрец, но только под защитой у начальника.

КОТЕЛОК – повар, фуражир и вор. Вырос Котелок в Эллинбурге, но толком не знает, как ведутся дела, впрочем, как и Сэм Простак.

ЛУКА ЖИРНЫЙ – тоже из Эллинбурга. Если уж он не похудел на солдатских харчах, так уж, верно, таков он от природы и на всю жизнь останется жирным.

СЭМ ПРОСТАК – здоровенный детина, бестолковый, но преданный, и притом отличается молодецкой статью.

ЧЁРНЫЙ БИЛЛИ – гордится своими руками, и вполне справедливо. Кулаками тоже владеет неплохо.

БИЛЛИ БАЙСТРЮК – мальчик-сирота двенадцати лет, отмеченный богиней. Крайне странный юноша.

ГРИГ – новобранец с гадкими привычками.

НИК НОЖ – неплохой парень, несмотря на такое прозвище. В отряде Ника любили и уважали.

СТЕФАН – солдат. Ну что ещё можно сказать про Стефана?

БОРИС – рассудительный и немногословный здоровяк. Когда хочет, двигается очень тихо для своих-то габаритов.

ЭРИК – как же ты был, Эрик, хорош в рукопашном бою!

Трое славных ребят, имён которых не сохранилось.

Отряд Йохана

БИЛЛ БАБА – это мы так его прозвали, потому что Билл как кого-нибудь прирежет, так и давай реветь, вот только он уже столько пришил, что даже и не смешно.

ХАРИ – не прирождённый солдат, но не лишён скрытых дарований.

МИКА – у него, Мики, есть своя голова на плечах, чего отнюдь не обо всех ребятах можно сказать.

ТЕСАК – опытный убийца с тёмным прошлым.

ГАННА – полудурок какой-то.

Жители Эллинбурга – их друзья, знакомые и враги

ГУБЕРНАТОР ХАУЭР – градоправитель Эллинбурга. Весьма бережлив, ну или пускай о нём так думают. Питает пристрастие к вину.

КАПИТАН РОГАН – начальник городской гвардии. Жесток, беспощаден, при этом хапуга и вообще не без греха.

ЭЙЛЬСА – аларийка, прислужница в харчевне. Помимо всего прочего.

РОУЗИ – проститутка, у которой много секретов.

ДОКТОР КОРДИН – цирюльник и лекарь. Причём врачевание ему всегда давалось лучше, чем брадобритие.

МАТУШКА-НАСТОЯТЕЛЬНИЦА – заправляет обителью Матери Благословенного Искупления. Не понимает шуток.

СЕСТРА ДЖЕССИКА – монашка из обители. Хороша в обращении с алебардой.

СТАРЫЙ КУРТ – в народе его зовут искусником, и у этого прозвания есть два смысла.

ЭРНСТ – цирюльник.

ПОЛЬ – портной.

ГЕОРГ – пекарь.

ДЕШ – молодой алариец с Кораблестроительного ряда. Сколько себя помнит, желал стать одним из Благочестивых.

КАПИТАН ЛАРН – офицер регулярной армии, заноза в заднице.

МАМАША АДТИ – бандитка и вообще гадина порядочная, предводительница клана Кишкорезов.

ГРЕГОР – бандит, сидящий по левую руку от Мамаши Адти.

МЯСНИК – очень, очень страшный человек.

Часть первая

Глава первая

Война кончилась, и мы вернулись домой.

Шестьдесят пять тысяч закалённых в боях опытных убийц вернулись домой, где их ждали голод, чума и безработица. Интересно, её величество вообще задумывалась, к чему такое может привести?

– Пейте до дна, ребята, – воскликнул я. – Сегодня за счёт заведения!

– Так-то вот, – с этими словами Анна Кровавая вышвырнула за порог трактирщика и заперла за ним дверь.

Серебро ему подавай – это за харчи да кислое пиво, за которые и медяков-то было жалко. Думается мне, не так надо встречать героев, вернувшихся с войны, и, как видно, Анна в этом была одного со мною мнения. Хорошего она ему отвесила пенделя, чтоб не мешался!

– Готово дело, – произнесла она.

Анна Кровавая служила у меня сержантом. Волосы у неё были короче моих, а от внешнего края левого глаза до кончика нижней челюсти тянулся длинный неровный шрам, навечно исказивший уголок её рта подобием кривой ухмылки. Никто, если жизнь ему дорога, не пожелал бы перейти Кровавой Анне дорогу.

– Пить будешь? – протянул я ей кружку.

– Ну а ты как думал?

Голос у неё был сиплый, загрубевший от порохового дыма и многолетней привычки к командным окрикам. Никаким пивом нельзя было смягчить этот голос, но она всё равно пила при первой возможности. Мы уселись за стол, она приняла у меня кружку и одним глотком осушила её наполовину. Двое парней волокли трактирщикову дочку вверх по занозистой деревянной лестнице, другие вышибали пробку из очередного бочонка. Дюк с лестницы взглянул на меня, ослабившись и уже запуская пятерню девчонке под юбку. Я отрицательно покачал головой. Не переносу изнасилований и никому такого не позволю у себя в отряде. Капеллан я или не капеллан в конце концов? Гляжу через плечо Анны – вижу, Дюку до меня дела нет, как волок, так и волочет девчонку – наверх, на площадку и с глаз долой. Такие уж тогда были времена.

Но ведь должны же быть границы. Вскочил я на ноги, опрокинул стол, так что наши кружки с тёплым пивом полетели на усыпанный опилками пол трактира.

Анна жалобно охнула.

– Дюк! – крикнул я.

Тот снова высунулся в грубо оштукатуренный лестничный пролёт.

- Что?

- Пусти девчонку, - говорю.

- Сочная девка-то, начальник!

Дюк ухмыльнулся, обнажив свои коричневые - цвета несвежего дерьма - зубы.

Анна развернулась и увидела, что происходит.

- Отставить, капрал! - рявкнула она, но тот и бровью не повёл.

Вот уж что вывело меня из себя, неужто он думает, что может так плевать на Анну? Она - сержант, он - всего лишь капрал, хотя это не так уж много и значит. Дюк на голову меня выше и фунтов на тридцать тяжелее, только мне всё равно. Я знал, что это совершенно не важно, а главное, ведь и Дюк это тоже знал. Во мне сидит дьявол, и всем в отряде это известно.

- А ну брось, - скомандовал я, и голос мой прозвучал бесстрастно, предупреждая, что сейчас будет вершиться карающая справедливость.

- Шутишь, - сказал Дюк, но теперь уже не столь уверенно.

- Подойди-ка сюда, Дюк. И ты, Брак.

В закрытые ставни громко стучал весенний дождь, а иначе бы в трактире повисла напряжённая тишина. В камине, дымя, потрескивало пламя. Оба неудавшихся насильника спустились обратно, бросив плачущую девчонку валяться на верхних ступенях лестницы. Выглядела она лет на шестнадцать или семнадцать, не больше, едва ли не вдвое меня младше.

Я ощутил на себе взгляды Анны и всех остальных бойцов. Ради такого зрелища они отставили в сторону кружки и бутылки. Даже Лука Жирный оторвался от своего пива, а его-то непросто было заставить не пить. В отряде сообразили - случился какой-то косяк, а когда кто-то косячит, на лице у меня всегда читается

карающая справедливость. Анна теперь взирала на меня с опаской. Сэр Эланд, лжерыцарь, стоял и поглядывал на всех со всегдашней своей усмешкой, но сейчас и он наблюдал за мной. Билли Байстрик был уже наполовину пьян, но ему-то всего двенадцать, и, видимо, стоит простить парнишке, что пить он не умеет. Григ, Котелок и Чёрный Билли просто смотрели, что же будет дальше.

Я встретился с Дюком взглядом и указал на испачканный дощатый пол перед собой.

- Сюда подойди. Немедленно.

В камине треснуло полено, отчего Сэм Простак подскочил. Дюк злобно на меня зыркнул, но подчинился, Брак проследовал ему в кильватер, словно небольшая лодочка за военным галеоном.

- Вдуть кому-нибудь хочется, а, Дюк? - спросил я.

Дюк был крупнее меня, здоровенный и страхолюдный.

Дюк-Пиздюк, как его прозвали в отряде, но исключительно за глаза. Его кольчуга плотно обтягивала могучую бочкообразную грудь под жилеткой из вываренной кожи. На свирепеющем лице проступили синюшно-багровые шрамы. Припомнилось мне, как он заработал эти шрамы в Абингоне, прорубаясь через пролом в западной стене, когда пала цитадель. Дюк провел свой взвод по горному хребту из трупов, не заметив, что их поджидают лучники. Тут и продырявило ему щёку стрелой, чтоб не лез, куда не просят. Он же, Дюк, продолжал биться, разбрызгивая кровь и раскидывая во все стороны зубы, всё лупил своей палицей кого по башке, кого по плечам, кого по яйцам. Круша и громя, прорубался вперёд. Грубая сила и тяжёлая палица - так и расчищал себе Дюк-Пиздюк весь жизненный путь. Дюк был героем войны. Только ведь я тоже.

- Ясное дело, хочется вдуть, - ответил Дюк. - А кому не хочется-то?

- Хочется вдуть, говоришь, а, Дюк? - повторил я, но на этот раз уже тихо и ласково.

Все в отряде знали меня уже достаточно, чтобы понимать, что предвещает этот тон. А предвещал этот тон, что дьявол во мне пробудился, и вот сейчас будет вершиться карающая справедливость, скоро и неотвратно. Дюк пьян, но не в стельку, а настолько, чтобы хотелось насиловать и драться, и я знал, что выполнять приказ он отнюдь не собирается. Не сейчас.

– Да, едрить-колотить, хочется! – ответил он.

Я Дюка не любил. Никогда не любил, по правде сказать, но солдатом Дюк был отменным. В Абингоне мне нужны были хорошие солдаты. А теперь мне нужны хорошие люди, и лишь одной Госпоже известно, что первое совсем не всегда подразумевает второе.

– Подойди сюда, – повторил я. – Хочется вдуть, так подойди да мне вот и вдуй.

Я удержал взгляд Дюка. При других обстоятельствах я бы не стал поворачиваться к нему задом. Случись на моём месте кто-нибудь другой, какой-нибудь сельский паренёк, то сомневаюсь, что Дюк стал бы привередничать. Любая дырка – она дырка и есть, и если он мог присунуть туда свой стручок, то иного ему и не требовалось.

– Томас... – начала Анна, только было уже поздно, и, кажется, она это поняла.

Пояс мой оттягивали Плакальщицы. Это была пара искусно выделанных коротких мечей, которую я снял с мёртвого полковника после Абингонской битвы. Я нарёк их Пощадой и Укоризной. И в отряде у меня не понаслышке знали, что вытворяют эти Плакальщицы у меня в руках.

– Не дело это – служанок насиловать, нехорошо, – произнёс Чёрный Билли. Потом пихнул локтем соседа: – Скажи, Григ?

Григ хмыкнул, но промолчал. Он, Григ, был не особенно разговорчив.

– Ради Госпожи нашей, – промямлил Брак, переминаясь с ноги на ногу по пропитанным пивом опилкам, покуда Дюк неотрывно глядел на меня. – Мы ведь просто повеселиться немного хотели, только и всего.

– Так чего же у неё вид такой невесёлый? – спросил я.

Дюк увидел, как я указал на девушку, увидел, что взгляд мой от него оторвался, и улучил момент. Я этого ждал, даром что надеялся – у Дюка достанет ума такого не делать. Он, Дюк, был быстр, а ещё свиреп, но никак нельзя было сказать, что умён. Он ринулся ко мне, вынимая из-за пояса длинный нож. Я присел, развернулся, одним движением выхватил из ножен Укоризну и наотмашь полоснул клинком ему по горлу. Брызнула красная пена, изо рта у Дюка с бульканьем посыпались проклятья.

Я почувствовал, что на меня смотрит Билли Байстриук.

– Красиво, чёрт возьми, – проговорил он ещё по-детски тонким голосом и осушил кружку до дна.

– Ебать, – охнул Брак.

– Вам же этого и надо было, Брак, – говорю я. – Так предложение ещё в силе. Вот тебе мой зад, пользуйся, если сможешь.

Он взглянул на меня, затем на Дюка, истекающего кровью на полу, затем прикинул на глаз длину не обсохшего ещё клинка у меня в руке. Отрицательно мотнул головой – что ж, этого я и ждал. Брак был подручным Дюка, но было ему всего-то двадцать лет, и был он храбр, но только под защитой начальника.

– Не-е-е, – наконец протянул он. – Что-то уже неохота.

– А мне так не казалось, – ответил я.

Неясно, какое место теперь займет Брак у меня в отряде. По правде говоря, мне плевать. Это его личное дело. Моё дело – быть главным, а уж как они там распределяют между собой, кто кому подчиняется – сами пускай решают. Все табели о рангах и вертикали подчинения после Абингона канули к чертям, но я всё-таки был капелланом. Это по умолчанию сделало меня главным после того, как командир по дороге домой скончался от ран. Для меня, как и для него, руководить было делом привычным, в отличие от всех остальных.

Сэм Простак довольно долго стоял, глядя на Дюка, затем отвесил ему хорошего пинка, словно желая удостовериться, что тот умер. Дюк и в самом деле умер.

– Что скажет об этом полковник, господин Благ? – спросил Сэм.

– Нет больше никаких полковников, братишка Сэм, – отвечаю я. – Нас расформировали, припоминаешь?

– Рас... чего?

– Это значит, что жалования нам больше не платят, – проворчала Анна.

Она была права. Наш полк – правильный строй из трёх тысяч оплачиваемых убийц – теперь превратился в беспорядочную толпу из трёх тысяч неоплачиваемых убийц. Вышло всё именно так, как и ожидалось.

– Твою ж налево, – буркнул Сэм и снова пнул Дюка, желая показать нам, что он по этому поводу думает.

Одной Госпоже известно, что случилось с нашим полковником, а мы, все остальные, так и держались вместе нестройным скопищем разрозненных отрядов – главным образом по привычке. В городке и вокруг него встало лагерем около трёх тысяч человек, однако никто ими уже не командовал. Нет, за убийство Дюка никто меня не отправит под военный трибунал. Уж точно не в ближайшее время. На миг глянул я вниз и воздал хвалу нашей Госпоже Вековечных Горестей за свою победу. Нет, она не направила мою руку, уж это-то я знал наверняка. Госпожа наша не помогает – никому и никогда. Она не отвечает на молитвы, не одаривает милостями, вообще ничего не даёт человеку, как бы истово он ни молился. Величайшее благо с её стороны, на которое можно уповать, – то, что она не лишит тебя жизни сегодня. Завтра – да, может быть, но не сегодня. Лучше и быть не может, а остальное уже зависит от тебя самого. Она – солдатская богиня, и ошибок не допускает.

– Так держать, – прошептал мне на ухо сэр Эланд, лжерыцарь. – Поставил их на место, по крайней мере, до поры до времени.

И ушлый же ты хмырь, сэр Эланд! Я и знать не знал, что он здесь, пока не ощутил его горячее дыхание себе в затылок. Обернулся, предусмотрительно соорудил ласковую мину. Сэр Эланд был в своё время правой рукой командира, этот человек, называющий себя рыцарем. Насколько я знал, никаким рыцарем там и не пахло. Был он просто грабителем, что выкрал себе боевого коня и художественно сидящую на нем броню, чтобы хоть как-то прикрыть свою ложь. Не больше в нём было благородства, чем у меня в содержимом ночного горшка. Так или иначе, но он опасен, и глаз с него спускать не следует.

– Сэр Эланд, – я принуждённо улыбнулся самозванцу. – Весьма польщён вашей похвалой.

И, не дав ему ничего ответить, отвернулся. Я чуял у себя на спине его взгляд, который просверливал мне и чёрную сутану с клобуком, и кольчугу, и жилетку из вываренной кожи, и льняную рубаху – вплоть до самого сердца. Да уж, сэр Эланд при первой возможности вонзит мне в спину острый нож, уж это я знал наверняка. Моя же задача – не давать ему такой возможности. Такие вот ребята у меня под началом, что поделаешь. По крайней мере, Анна его ненавидит не меньше моего, и то ладно. Я знал, что она меня прикроет – она меня всегда прикрывала.

Я перешел в другой конец трактира, к столу, за которым сидел Билли Байстрик. Тело Дюка по-прежнему валялось на дощатом полу, под ним растеклась лужа крови, но убирать его никто не торопился. Я уселся за исцарапанный стол напротив Билли, подозвал его кивком. Парнишка поднял глаза, огонь осветил мягкие черты его лица, которого ещё не касалась бритва. Юные влажные губы медленно изогнулись в улыбке.

– Говори, во имя Госпожи нашей, – сказал он.

– Я убил Дюка, – исповедался я ему, не повышая голоса.

– Настал его час переплыть реку, – проговорил Билли. – Ведомо Госпоже, Дюку суждено было быть убитым, и она тебя прощает. Во имя Госпожи нашей.

На этом исповедь и завершилась. Никто не станет скорбеть по Дюку, уж это я знал наверняка.

Билли было всего двенадцать, но он носил уже кольчугу и обращался с мечом, как мужчина. Может, я и священнослужитель, но сейчас, как ни странно, моим исповедником был Билли. И я преклонил главу перед отроком.

– Во имя Госпожи нашей, – повторил я.

И простёр Билли Байстриук длань свою, и откинул клобук у меня с лица, дабы приложить её мне ко лбу для благословения. Смешно, конечно, выглядела моя исповедь этому мальчику-мужчине. Не он, а я здесь капеллан, но Билли – случай особый. Он отмечен Госпожой, про это все знают. Как сейчас помню, прибился к нам Билли беспризорным беженцем из Мессийской мясорубки. Полк наш тогда как раз набирал рекрутов, возмещая потери, а поэтому даже такого, как он, мальчика взяли без разговоров. И сразу же положил на него глаз сэр Эланд. Он, сэр Эланд, любил молоденьких мальчиков. Как-то ночью попытался он пробраться к Билли в койку, чтобы его оприходовать. По сей день не знаю точно, что случилось в ту ночь, ну а сэр Эланд, ясное дело, в разговорах об этом не распространялся. Всё, что я помню, – костёр на обочине дороги. Я в тот час был на дежурстве, а остальной отряд лежал вповалку, завернувшись в одеяла и прижавшись, насколько можно было, к огню. Припоминаю, что вдруг разорвал ночную темень чей-то пронзительный крик. Кричал не Билли, кричал сэр Эланд. Уж не знаю, что именно хотел он с Билли учинить, да и потом, это уж его личное дело, вот только тот не оценил его внимания. Билли... что-то сделал, на том всё и кончилось. Сработали законы неписанной иерархии, и никто с тех пор о том случае не заговаривал. Отряд оправился от потрясения и двинулся дальше, а Билли с той поры стал одним из нас. Отмеченным богиней.

– Благодарствую, Билли, – произнёс я.

Тот безразлично пожал плечами. Вот так, без особых затей, и совершилось искупление греха. Бесстрастные карие глаза отрока ничего не выражали, и о чём он думал, одной Госпоже известно.

Я встал и окинул взглядом остальной отряд. Люди пили, веселились, сквернословили, метали кости, набивали брюхо всем, что только Котелок обнаружил на кухне. Девчонка по-тихому слиняла, и думаю, это с её стороны было мудро. В углу шумно блевал Сэм Простак. Всё шло своим чередом.

До тех пор, пока дверь пинком не вышибли шестеро вооружённых амбалов.

– Ебать! – воскликнул Брак.

Надо отдать ему должное, это словечко было у него любимым.

Я сидел неподвижно, уставившись на незваных гостей, однополчане же мои обнажили оружие. Я знал, кто их сюда привёл, но вот уж не думал, что доведётся ещё раз с ним увидеться. Руки я держал перед собой на столе, вдали от рукоятей Плакальщиц.

Шестеро протолкнулись внутрь, за ними влетели дождевые капли. Их предводитель сорвал с лица намокший капюшон своего плаща и свирепо мне ухмыльнулся:

– Едрёна монахиня, Томас Благ!

Я поднялся.

– Брат, – ответил ему я.

Глава вторая

Мой братец Йохан огляделся и разразился хохотом. Был он на четыре года меня младше, но выше и тоньше, нечёсанный и с трёхдневной щетиной на остро выступающем подбородке.

– Грёбанный капеллан? – воскликнул он, рассматривая мою сутану. – Как, ты – и грёбанный капеллан? Если могу хоть сколько-нибудь судить, половина твоего отряда валяется ужратая в говнину, а одного из них ты только что своими руками прирезал!

Хвала милосердной Госпоже нашей, особых полномочий, чтобы судить, у Йохана не было. И всё-таки, надо признать, сейчас он имел на это полное право. Я натужно улыбнулся:

– В такие уж времена мы живём.

– Верно, чёрт возьми, – согласился Йохан и обернулся к своим. – Ребята, это Томас, братишка мой старший! Не видал я его с начала войны, а сейчас он, гляньте-ка, грёбанный жрец. Только это ерунда, мужик-то он свой. И парни его в угощении нам не откажут, а?

Последний вопрос был ко мне. Я пожал плечами:

– Милости просим. Не то чтобы мы за всё это заплатили.

Если у меня в отряде и уловили напряжение между мной и братом, то виду не подали, что было с их стороны весьма разумно. Ребята Йохана тут же набросились на выпивку и закуску, сам же он подсел за стол к нам с Анной. Из его отряда не знал я никого. Мы с Йоханом угодили в два разных полка, и, если теперь был он здесь, могу лишь предположить: где бы ни застал их конец войны, он провёл свою горстку людей оттуда через всю страну, чтобы соединиться с нами.

– Эй! – крикнул он. – Баба! Принеси-ка нам пива.

Анна гневно вскинулась, но Йохан вовсе не к ней обращался. Один из его людей принёс нам две кружки и снова подсел к своим. На вид был он таким же здоровенным жлобом, как и все остальные, и, как по мне, не было в этом хлопце ничего мало-мальски женственного. Я вопросительно поднял бровь:

– Баба?

– Да, этот у нас Билл Баба, – хохотнул Йохан. – Это мы так его прозвали, потому что Билл как кого-нибудь прирежет, так и давай реветь. Вот только, заметь, он уже столько к чертям пришёл, что это даже и не смешно, но ведь знаешь же, как кличка липнет к человеку.

Уж мне ли было не знать.

– Он, верно, много плакал под Абингоном, – вставила Анна.

- Да уж, - ответил Йохан и затих.

Нас, двоих братьев, объединяла война - вот, пожалуй, и всё. Война да воспоминания с войны; о домашней жизни до неё, о нашем детстве мы давно и благополучно позабыли. В нас с Йоханом не было ничего общего. Ничего и никогда. До войны работали мы вместе, но друзьями нас назвать никак было нельзя. Тётушка моя вечно твердила, что я всегда слишком сдерживаю чувства, но, как по мне, это у Йохана вечно всё было немного через край. Верно, из нас двоих слагался один полноценный человек. Но чего не знаю, того не знаю. Это уже, полагаю, философские материи, а тогда не время было разводить философию.

Через стол посмотрел я брату в глаза и в этот миг понял, что с ним сделала война. Йохан вообще-то всегда был буйным, но теперь появилось у него во взгляде что-то особенно зверское, чего я раньше не замечал. В зрачках можно было разглядеть чуть ли не огонь пушечных выстрелов, в мутных белках глаз - клубы пыли от рушащихся стен, а в их покрасневших уголках - реки крови, через которые нам довелось переправиться. Сколь ни мало у Йохана было до войны здравого рассудка, в пыли Абингона он утратился полностью.

- Брат, - сказал я и протянул ему руку через грубо тёсаную столешницу. Йохан качнулся и осушил свою кружку одним долгим судорожным глотком, добрую половину пива пролив себе на ржавый доспех. Порожний сосуд, обернувшись, швырнул в огонь.

- Что ж теперь-то? - прорычал он. - Что ж теперь остаётся славным ребятам Благам, которые вновь повстречались на задворках пекла?

Он вскочил на стол, пинком выбил у меня кружку, бесцеремонно окатил пивом коченеющее тело Дюка. Любому, кто был с ним не знаком, Йохан показался бы пьяным, только я-то знал, что братец мой вовсе не пьян. По крайней мере, пока. Йохан был Йоханом, и таково его всегдашнее поведение. Просто у него всю жизнь было с башкой не в порядке.

- Что ж теперь-то? - ревел он, повернувшись к бойцам и размахивая руками.

У него в отряде к подобным штукам, по всему видать, привыкли, ну а мои парни взирали на него отчасти с опаской, а отчасти с едва скрываемой насмешкой.

Лучше, конечно, для них и дальше её скрывать, подумал я. Чего точно делать не стоит, так это смеяться над Йоханом.

Сэм Простак, очевидно, так этого и не понял – да он не то чтобы вообще был в состоянии что-то понимать. Он прыснул. Я-то запомнил, как оно бывает, ещё со школьной скамьи нашей общей безвозвратно ушедшей юности. Запомнил, как кто-то из мальчишек один раз вздумал посмеяться над Йоханом. Только раз. Дважды над Йоханом никто ещё не смеялся. Никогда.

Без единого слова, без какого-либо предупреждения соскочил мой братец со стола и кинулся на Сэма. Сэм был детина здоровенный, но медленный телом, так же как и разумом, и Йохан прижал ему локтем грудную клетку и вдавил в стену. Через миг Сэм уже был на полу, и началось избивание. Кулак Йохана вздымался и опускался в безжалостном ритме.

Этого я уже не стерпел, брат, не брат – не важно. Анна Кровавая дёрнулась, как бы пытаюсь встать и что-нибудь предпринять, но я придержал её руку и велел сидеть. Сержант-то она, может, и сержант. Только Йохан – это мой брат, мне с ним и возиться.

– Отставить, – произнес я тем самым особенным тоном, который даже моему братцу был знаком. Он знал, на что похожа карающая справедливость, пару раз в дни нашей юности почуял её на собственной шкуре. Выпустил Сэма, развернулся ко мне, костяшки пальцев обагрились кровью.

– Нет, ты глянь, а, герой войны? – осклабился он. – Ну, где там твой долбаный план, а, Томас?

Он меня, ясное дело, испытывал. Прощупывал границы карающей справедливости, будучи под защитой своего отряда, как и я – под защитой своего. Хочется думать, что никто не желает кровавой бани, только вот совсем я не был уверен, что это так. Пусть наших и насчитывалось больше ихнего как бы не вдвое, не думаю, что Йохан это видел, если вообще стал бы с этим считаться. Но сам я крови точно не хотел, уж явно не сейчас. Сейчас это никому не ко двору.

– Мы домой, – сказал я. – Двинем домой с моим отрядом и с твоим, да и с остальными из полка, если кто с нами подастся. Вернёмся домой к тому, что

оставили.

– К чему вернёмся-то? – вознегодовал Йохан. – Страна на коленях, Томас. Чума в стране. Голод. Ни работы, ни хрена. Это мы-то победили в грёбаной войне?

– Да, мы победили, – ответил я. – Мы победили, а тётушка Энейд, покуда мы в отъезде, берегла семейное дело.

– В отъезде? – прорычал он. – Да мы побывали в самом пекле! Домой возвращаемся сами как черти: осквернились тем, что повидали.

Я посмотрел на него, на слезы в безумных его глазах.

Чувства Йохана всегда были слишком сильными, а мои – слабее, чем нужно. Если война что-то во мне и поменяла, сам я этого почти не замечал. Управлять делом дома, управлять отрядом в Абингоне – для меня всё было едино, разве что дома жратва была получше, ну и выпивки побольше. Я умиротворяюще простёр руки.

– Для тебя, Йохан, есть возле меня место, – сказал я ему. – Ты мне брат, тебе всегда место найдётся. Пойдём же вместе домой.

Он в бессильной ярости сплюнул на пол, затем потянул носом воздух и взглянул на свои сапоги.

– Ладно, – ответил он через миг. – Ладно, Томас.

Он всегда был таким, когда его приступы гнева отступали. Тихим, виноватым. Иногда, вот как сейчас, слезливым. Я видел, что он старается, как может, сдержать слёзы перед своим отрядом, и это с его стороны было весьма разумно. Тому же Биллу Бабе прилюдно развесить сопли, может, и сошло бы с рук, а вот Йохану – не думаю. По крайней мере, если только он собирается и дальше оставаться главным.

Я глянул на Сэма Простака, что сидел в полубессознательном состоянии у камина, – из сломанного носа сочилась струйка крови, один глаз совсем заплыл. Анна встала, протянула ему платок, чтобы утёрся, но в потасовку предпочла не вмешиваться. Если поразмыслить, Сэму ещё здорово повезло. Не его первого

Йохан мог забить до смерти своими кулачищами. Такие уж были мы, Благо-Благочестивые.

Я принял решение в любом случае вернуться домой – вместе со своим отрядом и всеми, кого удалось собрать из остатков полка, вернуться и вновь добиться того, что мне принадлежит по праву. Ребята Йохана, я был уверен, пойдут за ним, а со временем станут моими ребятами. Мне они пригодятся. Тётушка Энейд заправляет семейным делом – это Йохану я так сказал. Хотелось бы мне, чтобы так оно и было, но биться об заклад я б не стал. По правде говоря, я бы и ломаного гроша на это не поставил, учитывая всё, что мы наблюдали вокруг с тех пор, как вернулись. Впрочем, так было только по сёлам. А что к этому времени творилось в городе, то одной Госпоже известно.

– Хорошо, – сказал я. – Вот и хорошо, Йохан. Ещё пивка-то выпей, чего ты? Здесь им хоть залейся.

Пива было хоть залейся, и это тоже было хорошо. Во всей стране, как уже писалось, свирепствовал голод, и земли к югу от этих мест были объедены почти до крошки. В этом же трактире, в этом захудалом местечковом трактире посреди захудалого ярмарочного городишки – в нём всё-таки нашлись и бочки с пивом в погребе, и жилистое мясо, и немного корнеплодов на кухне. Значит, мы движемся впереди основного войска, и за это воздал я хвалу Госпоже нашей.

Я снова сел, размышляя о нашем положении, покуда ребята вокруг меня надирались до беспамятства. Немного погодя пришла Анна Кровавая и вновь под села ко мне, держа в каждой руке по кружке. Поставила на стол, молча со мною переглянулась. Анна была намного трезвее прочих, верно, даже вовсе не опьянела. По ней это было сложно понять. В моих глазах всё равно она оставалась моей правой рукой, даром что сэр Эланд воображал ею себя. Не то чтобы я знал, насколько можно полагаться на Анну, но сэру Эланду доверять вообще нельзя. О, Анне я бы доверил свою жизнь на поле битвы, это уж без сомнения. И так на самом деле не раз уже бывало, и я считал за честь звать её своим другом, но теперь, когда мы почти дома? Теперь мы, можно считать, уже вернулись, нас звало к себе семейное дело, а это совершенно другой расклад.

– Выпей, начальник, – сказала она, пододвинув одну из кружек ко мне. Я кивнул и отхлебнул чутка из благодарности, хотя по-настоящему и не хотелось.

– Заметила, как этот городок называется, Анна? – спросил я. Она пожала плечами.

– Да что-то там на «-форд». Грабельсфорд? Цапельсфорд? Вот навряде этого.

– Ничего странным здесь не показалось?

И снова она пожала плечами:

– Ярмарочный городишко. Они все как один.

Она была права; такие городки действительно все были как один. Сожжённые, опустошённые голодом, выкошенные чумой – все без исключения, какие нам ни встречались в нашем долгом и медленном походе домой. Все вплоть до этого.

– Этот не такой, – сказал я. – Этот не вымер.

– Недолго ему осталось, – ответила Анна. – Здесь три тысячи голодных ртов.

Надо признать, в её словах был резон. В такие уж времена мы жили. И пока дело обстояло именно так, мы могли воспользоваться этим по полной.

Глава третья

Наутро я проснулся, уткнувшись лицом в сложенные на столе руки, – конечности не слушались, а башка трещала. Я выпрямился, сглотнул слюну, отдающую прокисшим пивом.

Большая часть отряда всё ещё лежала вповалку там же, где упала, – все, кроме Анны Кровавой. Она сидела у двери – обрезала ногти остриём кинжала и, очевидно, несла вахту часового. Она, Анна, была хорошим солдатом. Должен же быть в отряде хоть один хороший солдат!

– Утро доброе, начальник, – поприветствовала она.

Кивнув ей в ответ, я встал и направился на задний двор, чтобы справить нужду. Кухню, увидел я, обобрали подчистую, все шкафы и ящики были нараспашку, а всё съедобное из них уже выгребли. Умел-таки Котелок добывать провизию, тут надо отдать ему должное.

Я остановился на грязном дворике за трактиром, и моя струя слилась с утренней моросью. Было зябко, а всё вокруг как бы окрасилось цветом свежего дерьма. Может, городок этот пока ещё не вымер, но было видно, что осталось ему недолго, а прибытие нашего полка, несомненно, ускорит его кончину.

Возвёл я глаза к низко нависшему небу и прикинул, что время где-то час после рассвета. Подтянул и подпоясал портки, затем прислонился ненадолго к двери и задумался.

Вот мы уже в трёх, ну, может, четырёх дневных переходах от Эллинбурга. Уверен – в этом городке полк распадётся. Здесь повсюду земледельческие угодья, а ребята по большей части из сельских, и им не терпится вернуться к родным полям, жёнам, свиньям да овцам. Кому повезло, тем даже есть к чему возвращаться. Ну а мы с Йоханом выросли в городе, так же как Лука Жирный и Котелок. Взрослели мы вместе все четверо, вместе учились в школе. Эти двое знали, что у меня за дело, а Лука до войны нам в нём нет-нет да и подсоблял. Малый был он добрый и при необходимости очень изворотливый. Может, он и был жирен, но при этом силён, а уж дрался отменно. О, Госпожа, и умел же он драться!

Из Котелка боец был никудышный, зато он умел воровать и готовить пищу, и этими двумя умениями приносил огромную пользу. Во всяком случае, в полку, где драться умели почти все, а вот готовить – едва ли, ему цены не было. Я был рад тому, что он тогда влился в нашу братию, рад я был и тому, что теперь он у нас в отряде.

Чем же займутся в городе остальные – сэр Эланд, Брак, Стефан, Анна Кровавая, Борис, Ник Нож и все прочие? Сэр Эланд говаривал – бывал он, дескать, в Даннсбурге, даже при дворе, впрочем, верить этому стоило не больше, чем басням о его предполагаемом рыцарстве. При дворе – при дворе той самой королевы, сражаясь за которую, мы прошли всё это адское пекло, – не очень-то жаловали подобных сэру Эланду. Я даже толком не имел понятия, какая она из себя, королева-то. И всё же сэр Эланд так красочно плёл, что, ежели ты глуп или

пьян, то во хмелю его рассказы покажутся даже в чём-то убедительными, так что, полагаю, он, на худой конец, и впрямь видел какой-нибудь город. Впрочем, точно не Эллинбург. Там-то он явно не был. Выговор его походил на южный или западный, ну а мы вот уж несколько недель двигались на север. Там, на севере, был наш дом – вдали от границы. Вдали от войны. Там, среди холодных болотистых холмов, набирали наш полк, и там же он вновь распадётся.

Я не знал, что станется с ребятами. Тех, кто думал, что вот воротятся да и заживут, как жили раньше, поджидало, насколько я мог судить, неприятное открытие. Жёны их, скорее всего, околели от голода или от чумы, либо сбежали с первым, у кого нашлось для них что-нибудь съестное. Овец их отымели, свиней сожрали, поля сожгли. В такие уж времена мы жили.

Да, мы победили, но какой ценой? Ради этой победы королева ввергла страну в нищету, вымерла вся торговля, затем сменилась погода, пропал урожай, а потом ещё и чума. Человек суеверный сказал бы, что все эти беды связаны, только насчёт этого не знаю. Я капеллан, а не мистик, а Госпожа не давала ответа.

Я отбросил с головы капюшон и провёл пальцами по волосам – пусть дождик их чуток промочит. Приятно было просто постоять вот так, вдохнуть свежий утренний воздух, подставить лицо каплям, послушать, как они стучат по лужам. Вспомнились мне дни войны, удушающая пыль и иссушающая жажда, грохот пушек и едкий пороховой дым. Дождь приятно обмывал и освежал кожу. Под Абингоном же не было ничего чистого или свежего: только огонь и пыль, дерьмо и смерть, люди, подыхающие от ран, и реки крови. Чего бы мы тогда ни отдали за такой вот прохладный дождик! Чего бы мы тогда ни отдали...

Я ощутил, что кто-то тронул меня за плечо, и развернулся быстрее, чем понял, что к чему. Укоризна выскользнула из ножен, сталь соприкоснулась с живою плотью. Меч оказался у шеи Йохана раньше, чем я узнал брата. Он только ошарашенно уставился на меня, и огни моих воспоминаний отразились в его затравленных глазах. Я на мгновение замер – с колотящимся сердцем и клинком у горла своего брата. Где-то на другой улице заржала лошадь, и заклятие пало. Я спрятал клинок и натянул капюшон на мокрые волосы.

– Чего? – спросил я.

Йохан замотал головой. Прошёл за мной, не говоря ни слова, во двор – дождь к этому времени усилился. Снял штаны и справил нужду прямо под открытым небом, невзирая на погоду и всё остальное.

– Домой, – произнёс он, завершив начатое. Зашнуровал штаны и взглянул на меня, а по его спутанным космам стекали ручейки. – Вот мы и идём домой. Тётушка Энейд дело-то ведёт?

Я пожал плечами.

– Сказала, что будет. Там увидим, правильно? Как доберёмся. Ты да я, Йохан, и твой отряд вместе с моим.

– А что, чёрт возьми, если не ведёт?

Я посмотрел ему в глаза.

– Что ж, в таком случае у нас есть два отряда, и мы вернём то, что нам причитается.

Йохан кивнул. Это-то он от меня и хотел услышать. Братцу моему воевать не надоело, это было явственно видно. Враг, положим, был повержен, но та внутренняя тварь, что его толкала, то зверское душевное начало, что досталось ему от отца, – его было не преодолеть. В этом отношении мы с ним различались. У меня в душе отец оставил холодного дьявола, а дьявол Йохана был бешен и горяч.

Он рассмеялся. Уж не знаю, что именно его развеселило на этом дворе, где конского навоза было больше, чем грязи.

– Ребятам, чёрт возьми, в Эллинбурге понравится, а?

И снова я пожал плечами. Допускаю, что, возможно, и нет, но в итоге они привыкнут. У городской жизни свои преимущества, научить ребят их видеть будет моей задачей.

– Ну скажи уже чего-нибудь, чёрт возьми, Томас, – не выдержал Йохан. С неба теперь уже хлестало как из ведра, так что я отступил на полшага в дверной проём, чтобы вконец не вымокнуть. Йохан же, казалось, вовсе не замечал ливня, который тем временем залеплял ему лицо вымокшими клочьями нечёсанных косм.

– Что такое? – спросил я.

– Как же так, ты – и ёбанный капеллан?

– Я произнёс клятву. Принял обет.

– И всё, что ли?

– А что ещё надо-то?

Служение нашей Госпоже Вековечных Горестей не подразумевало учения и знания священных книг. Она – не богиня учёных мудрецов, мистиков, торговцев или политиков. Она – солдатская богиня, а большинство солдат и читать-то толком не умеет. Забавно, многие ведь считают, будто у солдат есть какой-то бог войны. Ну да, хрен там есть. У рыцарей-то, понятно, есть такой бог. У настоящих рыцарей, то есть не у жуликов вроде нашего сэра Эланда. У них есть свой железный бог славы и воинской доблести, с длинной пикой в руке и верхом на могучем звере. Ну а нам, простым солдатам, не нужно славы или почестей. Нам бы только не сдохнуть, хотя бы сегодня. Это-то и дарует наша Госпожа, если повезёт и если биться храбро. Вот и всё, что у нас было, и на что могли мы уповать на этом свете.

Йохан встряхнулся, брызги с его волос смешались с дождём.

– Но почему?

Я опять пожал плечами.

– А почему нет-то? В отряде нужен был капеллан, раз уж наш поймал как-то стрелу в горло на переправе. Что капеллан делает? Выслушивает людей. Ведёт за собой отряд. Это и я могу.

– Да тебе же плевать на людей, – возразил Йохан, шагнув ко мне. – И всегда, чёрт возьми, было плевать!

– А кто сказал, что тебе когда-то было не плевать? – ответил я. – Выслушивай и веди, сказал командир. А чтобы не плевать, такого он не говорил.

Йохан расхохотался с такой силой, что из левой ноздри у него вылетела сопля.

– Едрёна монахиня, Томас, ты – и ёбанный капеллан!

– Ну да, – ответил я. – Я – капеллан.

Тогда он взглянул на меня, почуяв, что тон мой сменился. Я на братца не сердился, но у него едва не вырвалось нечто такое, чего я не вынес бы. И по нему было видно, что он и сам это знает. Йохан смахнул с лица намокшие пряди и без единого слова ввалился в трактир. Когда он ушёл, я позволил себе минуту отдыха, стоя в дверях и просто вдыхая дождевую свежесть. Но за Йоханом нужно было приглядывать. Я дал ему пару минут форы и проследовал за ним в общую комнату. Парни уже почти все пробудились, и его, и мои, а между ними посреди комнаты отчётливо просматривалась разделяющая черта, отчего мне стало не по себе. Я шагнул прямо в этот пустой промежуток между двух отрядов и встал спиной к стене, чтобы видеть и одних и других. Йохан, как я заметил, сидел со своими, обсыхая на полу.

– Значится так, – сказал я. – Слушайте меня, ребята. Для тех, кто не знает, – звать меня Томас Благ. Я старший брат Йохана и капеллан Госпожи нашей, – тут я приумолк на время, чтобы сказанное дошло до двух или трёх парней Йохана, которые слишком были пьяны или тупы, чтобы понять это ещё вечером. – Войне конец. Мы победили, хотя так вроде и не скажешь. Мы победили, а теперь мы – ничто, кучка никому не нужного сброда. Так вот, я скажу – на хрен так жить! – я вновь приумолк, глядя на кивки и слушая одобрительное хмыканье с обеих сторон. Со своим отрядом я сей вопрос ещё не обсуждал, но теперь самое время. Как по мне, пусть послушают все вместе. Полк распадётся в этом городке, как уже писалось. Большая часть хотела бы вернуться к своей довоенной жизни, точнее, тому, что от неё уцелело, но мне нужно удержать свой отряд при себе. Свой, а также Йохана, если, конечно, удастся. – В трёх-четырёх переходах к северу отсюда лежит Эллингбург. Мы там выросли – я, Йохан, и Лука Жирный, и Котелок. У меня в Эллингбурге дело, и довольно прибыльное. Неплохие денежки

можно заработать. Видит Госпожа, что армии вы больше не требуетесь, зато требуетесь мне. Я не из благородных, чтобы нос задирать почём зря, капелланом тоже был не всегда. Это армия меня таким сделала, а так мы с вами из одного теста. Батяка мой был каменщиком, а я ходил у него в подмастерьях. Так оно и шло, покуда я не решил, что хватит мне гнуть спину, таская кирпичи для богатых домов. У тех, кто пойдёт со мной в Эллинбург, будет там работа, еда в брюхе и деньги в карманах. Складно ли звучит, ребята?

По всей комнате одобрительно закивали – все, кроме сэра Эланда. Он, как я заметил, лишь следил за мной, прищурившись, своим скользким взглядом. Было бы правильно уже тогда его прикончить. Но я, пересилив себя, выкинул его из головы и продолжал:

– Вот и славно. Жду всех: и свой отряд, и своего брата. Будете со мной – порадуете Госпожу нашу, ну и меня заодно. Ну а нет, так на нет и суда нет, дверь открыта, а дорогу на юг вы знаете. Вот и катитесь.

К двери не двинулся никто. В итоге это давало мне в распоряжение человек двадцать или около того. Отчасти мне хотелось, чтобы сэр Эланд взвалил на себя свой краденый щит да ускакал ко всем чертям на своем краденом жеребце, но он лишь сидел, глядя на меня, с утренней кружкой пива в руке. Я кивнул.

– Ладно. Выпейте, сходите по нужде да готовьтесь в дорогу – через час выступаем.

Глава четвёртая

В Эллинбург мы въехали через три дня, на закате. Йохан – по правую руку от меня на своём сухопаром чалом мерине, Анна Кровавая – по левую на своей серой кобыле и сэр Эланд – позади на краденном боевом коне, а за нами – вереницей девятнадцать пеших. Когда мы приблизились к городским стенам со стороны южных ворот, стража подозрительно на нас покосилась, но поди-ка откажи солдатам, что воротились с войны. А особенно если во главе у них – капеллан в сутане. Топот конских копыт гулко разнёсся по проходу в проездной башне, а затем, миновав ворота, оказались мы в самом городе.

В ноздри мне, будто кулак в морду, шибанул запах. Эллинбург – город промышленный, и нет в нём числа сыромятням, плавильням и кузницам. Берег речки, что ограничивает город с востока, облепили мануфактуры и превратили её своими сбросами в загаженную клоаку. Я здесь вырос, и всё же за три года войны запах этот успел благополучно забыть. Чтобы успокоить свою кобылу, я потрепал её по гладкой вороной шее. Кобылу эту в своё время пожаловал мне лично сам командир, когда я принял жреческий сан. Лошадь была деревенская, и, очевидно, непривычные шумы и запахи её тревожили.

Через плечо оглянулся я на отряд. Лука Жирный весь расплылся в улыбке, а Котелок тарасил глаза на пол-лица, упиваясь знакомыми видами. Двое или трое из остальных парней слегка позеленели, а какой-то из Йохановых селян так и вовсе, согнувшись, блевал в канаву. Я усмехнулся.

– Добро пожаловать в Старого Смердюка! Добро пожаловать в Эллинбург!

Парни по большей части были не слишком рады прибытию. Мы с Йоханом, Лука Жирный и Котелок – мы были дома. Остальные же, похоже, ощущали себя если не в самом дерьмовом из мест, то во втором по своей дерьмовости. Худшим из худших, конечно, был Абингон. Абингон прошли мы вместе, он-то и скрепил наши узы. Сделал нас единым целым. Люди, вместе прошедшие адское пекло, обычно по возможности держатся друг друга. Может, овцеводы да свинопасы и покинули полк, но эти ребята сделаны из правильного теста, раз удержались вместе под сумасбродным командованием Йохана или под моей карающей справедливостью, эти через что угодно пройдут заодно. По крайней мере, так я надеялся.

Мы выехали из-под длинной тени стен, и я как следует осмотрелся. Чем больше я видел, тем меньше мне верилось, что тётушка Энейд последние три года держала дело под наблюдением. Эллинбург никогда не отличался красотой, что правда, то правда. Столицей он не был, и великолепных зданий было в нём немного. Не было здесь ни дворцов, ни большой библиотеки, ни театра, ни академии чародеев, ничего из того, что якобы видел сэр Эланд в Даннсбурге. Если он там вообще был. В то же время, до войны Эллинбург процветал. Был здесь блистающий роскошью Великий храм всех богов на вершине холма, венчающего Торговый ряд, и он, по крайней мере, никуда не делся, а вот половина лавок была заколочена, многие окна разбиты, а улицы – усыпаны грудами гниющего мусора. На этих улицах полным-полно было побирушек, намного больше, чем следует, – они выставляли напоказ обрубки недостающих

конечностей или перевязанные глаза перед равнодушными прохожими. И слишком многие из этих калек походили на ветеранов войны, отчего становилось не по себе.

Мы свернули с главной улицы и направились вниз, к Вонищу – беспорядочному скоплению трущоб вблизи от реки и сыромятен. Это и был наш околоток, это был дом, и нарекли его как нельзя более метко. Облако гнилостной вони, в которое мы въехали, было словно живым существом, назойливым и гнусным.

И всё же там, внизу, тоже когда-то теплилась жизнь. Узкие проулки между тесно жмущимися друг к другу хижинами когда-то жили: драили ступени крыльца женщины, гонялись друг за другом и с визгом плескались в канавах чумазые ребяташки. Теперь же ни души было не видать, а если кто нам и попадался, то чуть не замертво падал от голода. На улицах пахло горем и отчаянием. Казалось, на каждой четвёртой из дверей дешёвой и выцветшей белой краской вывел кто-то чумную отметину.

– Ради Госпожи, Томас, – произнёс рядом со мной Йохан. – Что случилось, чёрт побери?

Я зажмурился и тут же представил улицы Абингона, объятые пламенем, больных и некормленных людей, которых оторвали от родного дома и поставили под копьё. Вспомнились мне кучи трупов, которые лопатами сгребали в братские могилы солдаты с перевязанными ртами и глазами, ослепшими от увиденного ужаса.

– Они и её с собой привезли, – это я сказал про ветеранов, побирающихся у городских ворот. – За ними, ранеными и увечными, до дома проследовала и чума, покуда Госпожа наша обратила свой лик на юг.

Йохан глянул на меня так, словно подумал, что я свихнулся. Может, и подумал, но в таком случае дурак дурака видел издалека.

– Если бы тётушка Энейд вела наше дело, так уж она бы такого, чёрт возьми, не допустила, – сказал Йохан. – Вот какими стали наши улицы, Томас.

– Ну и как бы она, по-твоему, не допустила долбаную чуму? – огрызнулся я настолько сердито, насколько вообще осмеливался при общении с братцем.

– Ладно, – буркнул он. – Да ты ведь понимаешь. Должно же быть... Ну не знаю. Хоть какая-нибудь жратва. И медицина. И...

Он притих, как видно, потому что вспомнил: всех врачей моложе шестидесяти, как и остальных, забрили в армию. Большая их часть полегла от чумы под Абингоном, и стране пришлось от того ещё хуже.

– Вот какими стали наши улицы, – повторил Йохан, теперь уже совсем безутешно.

Я кивнул. Стали, что уж тут спорить.

В полумиле отсюда держал я харчевню, туда и повёл отряд. Заведение под названием «Руки кожевника», старинное и уютное – точнее, бывшее таким до войны. Сейчас, однако, было там совсем не так уютно. Стёкла в окнах стояли нового образца – толстыми квадратными вставками, а не ромбами в свинцовой решётке, как в старых зданиях, но теперь их наполовину разбили и заколотили досками. Вывеска повисла на одном гвозде, а главное, что тревожило, – никто не стоял у дверей. Все мужчины моложе сорока, что могли удержать в руках копье, были, естественно, в армии, но Альфрид и в свои пятьдесят два был здоров и крепок, так что ему я и поручил охрану входа на время нашего отсутствия. Сейчас его не было.

Спешился я, привязал лошадь к растрескавшейся коновязи, припоминая времена, когда она была ещё гладкой и вся лоснилась от масла. Трое других наездников последовали моему примеру, и я жестом приказал Йохану, Анне и сэру Эланду идти за мной.

– А вы по стойте пока здесь, – сказал я собравшимся солдатам. – Надо будет, чтоб вы вошли, – и так поймёте. Лука, ты за главного.

Толстяк кивнул и с важным видом заложил большие пальцы за туго натянутый ремень.

Мне совсем не хотелось брать с собой сэра Эланда, но хотелось оставить Луку Жирного за главного, к тому же, поставь я его выше лжерыцаря – последствия ожидалось бы весьма неприятные. Руководитель должен задумываться о таких

вещах. К тому же, Эланд в краденых доспехах смотрелся вполне внушительно.

Мы вошли в харчевню. Надежда увидеть Альфрида, тётушку Энейд или хоть какое-нибудь знакомое лицо иссякла, как только за нами захлопнулась дверь. Из-за наполовину заколоченных окон в помещении было сумрачно, только пара-тройка фонарей кое-как рассеивала темноту. Камин был не тоplen, хотя к вечеру стало довольно зябко. Из-за прилавка вынырнул какой-то человек – и побледнел, встретившись со мною взглядом.

– Кто ты, мать твою, такой? – спросил я мягко и негромко.

Над прилавком висел большой латунный корабельный колокол – когда-то давно достался он мне от некоего моряка с торгового судна, – и вот человек, стоящий за моим прилавком, подпрыгнул и с силой дёрнул за верёвку – поднял такой звон, что всех богов перебудило бы. Йохан сорвался мгновенно. Схватил стул и швырнул им через прилавок прямо в морду незнакомцу. Тот свалился, изрыгая проклятия и колотя бутылки и стаканы. Дверь за его спиной отворилась, и в комнату вломились шестеро мордovorотов с ножами и дубинами. Мы выхватили клинки, а Анна Кровавая сунула два пальца в рот и пронзительно свистнула. Входная дверь распахнулась – Лука Жирный возглавил первую атаку, и через миг за нами было уже девятнадцать человек. Шестеро чужаков замерли, ошалело глядя, как мой отряд их окружает. Я шагнул вперёд.

– Меня зовут Томас Благ, и вы находитесь в моей, вашу мать, харчевне.

– Я Дондас Альман, – ответил один из них, – и теперь харчевня моя.

Я окинул взглядом его людей, затем с великой осторожностью повернулся и взглянул на своих. Убедившись, что сполна завладел его вниманием, я улыбнулся.

– Считать, что ли, не умеешь? Харчевня – моя.

– У меня связи, – произнёс он, и его слова слишком походили на угрозу. – У меня связи с влиятельными людьми.

– Мы и сами, мать твою, влиятельные люди! – взревел Йохан. – Мы – Благочестивые, и мы вернулись домой!

Глава пятая

У Дондаса Альмана и его ребят хватило ума не вступать с нами в поножовщину. Выперли мы их на улицу, а потом Лука Жирный взял с полдюжину парней и вышвырнул из подсобки всё ихнее барахло вслед за ними.

– Тут ещё позади есть конный двор, – сказал я Луке. – Уведите-ка лошадей с дороги, покуда не стемнело, почистите да задайте им корму.

Так он и сделал, а я присел за стойкой со стаканчиком браги и оглядел своё заведение. Благочестивые. С начала войны не слышал я этого прозвища. А ведь так мы сами себя нарекли, когда были ещё подающими надежды юнцами, – я да Йохан. Сейчас и не упомнить, кто из нас первым до этого додумался, но когда фамилия твоего рода – Благ, поневоле придашь этому значение. О том, чтоб стать ещё и капелланом, я тогда и не помышлял, но это замечательно дополнило картину.

Как только Альман и его жалкая шайка скрылись из виду, я предоставил прилавок и его содержимое ребятам в полное распоряжение. В конце концов, за запасы я не платил, а некоторым из ребят, сдаётся мне, требовалось промочить горло, чтоб оправиться от вида и запаха Эллинбурга. Харчевня была вместительной, с кухней и тремя кладовыми со стороны чёрного хода, так что было где уложить отряд, а ещё ведь имелась пара комнат наверху на чердаке. Я прикинул, что одна из них и для меня вполне сгодится. В конце концов, не то чтобы в отряде кто-нибудь привык купаться в роскоши.

Кто-то между тем развёл огонь в камине и зажёл несколько светильников, вернув «Рукам кожевника» чуточку былого оживления. Взглядом я встретился с Анной Кровавой и поманил к себе.

– Найди-ка четырёх парней да присмотри, чтоб не пили, – сказал я. – А то как бы эти болваны ночью не вернулись – а тут все нализались и дрыхнут.

Анна кивнула и, не говоря ни слова, отправилась выполнять приказ. Прошлась по харчевне – набирала людей и вырывала у них из рук выпивку отрывистыми и жёсткими окриками. Анна была сержантом, и парни у меня в отряде её уважали. Я заметил – из Йоханова отряда она не взяла никого, и подумал, что это разумно. Их я не знал, а потому и доверял не вполне. По крайней мере пока. Сдаётся мне, Анна считала точно так же.

Подлил я себе ещё бражки, уселся за прилавком и стал наблюдать за попойкой. Йохан пил со своими и громогласно гоготал, громче даже, чем все его солдаты. Всё-таки у нас с Йоханом разные способы руководить отрядом.

Тут я почувствовал, что рядом кто-то есть, и вижу – точно, на меня смотрит Билли Байстриук.

– Они вернутся, – сказал он.

Я кивнул:

– Так я и думал. Когда?

Билли посмотрел на мой напиток.

– Можно попробовать?

Я согласился и плеснул ему немного браги в свободный стакан. Парнишке было всего двенадцать, но он уже сражался на поле боя, уже убивал, так что непонятно, почему это нельзя и ему выпить, как мужчине. Он сделал большой глоток тёмно-янтарной жидкости и резко выдохнул, чуть не подавившись, когда она обожгла ему горло.

– Нравится, Билли? – спросил я.

– Пиво лучше.

– Ну так пей пиво.

– Да я только попробовать.

– То-то же. Когда, говоришь, они вернутся?

– Ближе к ночи, – ответил Билли. – Когда именно, она не сказала.

Когда именно, значит, она не сказала. Билли был отмечен Госпожой, и порой она говорила то ли с ним, то ли через него, то ли это ему только так мерещилось. Может, он был попросту безумен, чего не знаю, того не знаю, но слишком часто бывал он прав, чтобы не брать мысль о Госпоже в расчёт. Он оказывался прав всегда, и об этом стоило задуматься. Я перегнулся через стойку и дёрнул за язык латунного колокола.

– Хватит бражничать, – объявил я, когда все ко мне обернулись. – Эти болваны ближе к ночи вернутся – ясное дело, со своими «влиятельными друзьями». Так что будем готовы к бою.

– К бою я всегда готов! – проревел Йохан, взмахнув бутылкой. Сделал долгий, неторопливый глоток прямо из горла, как бы показывая мне, где видал мои приказы. Его ребята расхохотались. Мои молчали. Нельзя этого допускать, уж точно не сейчас. Когда мне нужно, чтобы они держались вместе, а Йохан, похоже, пытается как-то обособить своих. Мы же как-никак братья и должны быть в согласии. Я поднялся на ноги.

– Послушайте, – обратился я ко всем. – Вы по большей части в городе люди новые и не знаете, как тут всё устроено. Мы – Благочестивые. Теперь и вы все – Благочестивые. А это значит – делайте, что я велю, и богатейте. Здесь вокруг наши улицы и наши заведения. Я держу харчевни, питейные дома и постоянные дворы, ипподромы, игорные притоны, бордели и что только ни пожелаешь. Вы все можете к этому пристроиться, только делайте тогда, что я велю. Поняли?

Слушатели кивнули, но не все. Сэр Эланд, заметил я, просто неподвижно на меня глядел. В глазах у Йохана читалось мрачное негодование, которое было мне слишком хорошо знакомо, но им-то я позже займусь. А вот с сэром Эландом я встретился взглядом и удержал его. Лжерыцарь тянул волынку, очевидно взвешивая все за и против, но наконец кивнул и он.

– Вот и договорились, – сказал я. – Караул выставляем по четыре человека, смена через три-четыре часа. Вы ведь, ребята, соображаете, что к чему. Здесь ровно

как в армии. А остальные – спать, покуда есть такая возможность.

Где-то три-четыре часа и прошло, а потом явились они – к этому времени я уже дремал на стуле у камина. Разбудил меня звон бьющегося стекла. Глаза я открыл, как раз когда сквозь разбитое окно влетела в харчевню какая-то штукovina и, шипя, упала на пол.

– Огненный камень! – крикнул я и нырнул под стол. Крик мой перебудил всех – все ведь помнили войну. Огненный камень – это что-то вроде пушечного ядра, начинённого порохом и гвоздями. К нему приделан фитиль – поджигай и бросай куда-нибудь в замкнутое пространство. Почти все из нас на войне использовали такие камешки, а бывало, и по нам прилетало.

Я выдвинул стол перед собой, выставив двухдюймовую преграду из крепкого дуба, – как раз вовремя. Снаряд рванул с оглушительным грохотом, полетели по всей комнате осколки докрасна раскалённого железа, всё заволокло удушливым едким дымом. Кто-то завопил, задетый осколком, а потом началось форменное светопреставление. Входная дверь в харчевню разлетелась на части, могу только догадываться – они и под неё подложили порох. Дым в комнате стал ещё гуще, в дверном проёме показались языки пламени и осветили лицо Котелка, который сидел ближе всех ко входу. Тот озверел. Думаю, только те, кто не был под Абингоном, не поймут, как подействует на нас применение взрывчатки. Котелок, сказать по правде, и бойцом-то не был. Он занимался фуражом, припасами и костром для пищи, но он тоже был под Абингоном. Видел почти то же, что и все остальные, и, ведомо Госпоже, не желал бы увидеть это снова.

В проём бросился первый из пришельцев, и Котелок с яростным воплем вогнал ему в бок свой меч. Вытащил клинок, потом опять вогнал – и снова. В этот миг Котелок был снова под Абингоном.

– Прорыв! – зарычал Йохан и одним прыжком оказался на столе, под которым укрывался, с секирой в руке. – Стену проломил!

Захватчики устремились в харчевню прямо через тело своего заколотого Котелком подельника, а Йохан встретил их с нечеловеческой яростью. Теперь мы уже были все на ногах, сталь поблёскивала в свете огня в камине и другого огня, что охватил деревянный дверной проём и пытался проесть себе путь сквозь стены. Фасад «Рук кожевника» состоял из оштукатуренных досок, и, если

мы срочно не затушим пожар, огонь мог уничтожить харчевню за нехер делать.

Комната наполнилась дымом, криками, звоном железа. Я вооружился Плакальщицами и присоединился к схватке, встав возле брата. Одного я убил, вогнав ему Пощаду в область почек, потом меня оттеснил здоровенный рыжебородый чужак с боевым топором. Вместо того чтобы пробиваться в гущу боя, дыма и сыплющихся проклятий, мне оставалось только уворачиваться и отражать его удары. Он наступал на меня вплоть до прилавка, а потом вдруг замер, и лицо его исказилось от потрясения. Выронил топор, осел на пол, из бедра хлынула кровь, а откуда-то снизу ухмыльнулся мне Билли Байстриук.

– Во имя Госпожи нашей, – сказал мальчишка с обагрённым кинжалом в руке.

Сэр Эланд пропорол одного из налётчиков мечом и теперь освобождал от трупа свой длинный клинок. Через всю комнату нашел он меня. Заметил ли, что произошло? Зачёл ли на мой счёт проявленную слабость? Не знаю, но ясно одно: теперь за ним придётся ещё более пристально наблюдать.

Пожар принимал угрожающие масштабы, однако в схватке мы победили. Йохан занял дверной проём, и все эти влиятельные люди были теперь в ловушке – впрочем, как и мы сами. Пятеро из них уже полегли, а восемь ещё держались. Наконец и они опустили оружие – дескать, сдаёмся.

– Эй, вы, ну-ка сложить клинки, – обратился я к ним. Указал на самого младшего, парнишку не старше восемнадцати на вид. – Иди-ка сюда.

Тот положил меч и нерешительно шагнул ко мне. Я приставил ему к горлу острие Укоризны:

– Убей остальных.

Это была настоящая резня, но иногда именно так и выглядит карающая справедливость. Так я держал его под клинком и бесстрастно смотрел в перепуганные глаза, пока все его дружки не повалились замертво.

– А теперь я тебя отпускаю. Дуй к своему начальнику и скажи, что Благочестивые вернулись с войны. Если он отправит ещё каких-нибудь обалдуев

в какое-нибудь из моих заведений, живыми из них уже никто не выберется. Скажи ему, что обещал всё это Томас Благ. Уяснил?

Парнишка кивнул, насколько ему позволял приставленный к подбородку меч.

– Гоните его в шею, – приказал я.

Как только юнец скрылся в ночи, ребята принялись тушить пожар, передавая по цепочке полные вёдра от ручного насоса на кухне, за стойкой. Вода поступала из речки по трубам, для питья она была слишком грязной, но сейчас годилась и такая. Я же встал посреди закопчённой и задымленной комнаты и стал подводить итоги.

На полу лежало двенадцать тел, наших среди них не было. Чёрный Билли прижимал окровавленную тряпку к раненому плечу, кровоподтёк ярко выделялся на его тёмной коже, но он будет жить. Впрочем, один из людей Йохана выглядел похуже – он, сгорбившись, сидел на стуле, обхватив руками рану в верхней части бедра. Не в области яремной вены, куда Билли Байстриук поразил бородача с топором – тот к тому времени уже испустил дух, – но достаточно близко. Раненый был весь в поту и бледен как воск. Я подошёл к нему.

– Как тебя звать?

– Хари, – прошептал тот.

– Посильнее надави, Хари.

– У меня в ноге осколок застрял, – ответил он. – Вытащите, умоляю.

Я покачал головой. Парня задело куском огненного камня, а значит, осколок должен засесть глубоко. Только его кончик, закупоривший рану, вернее всего, не давал бедняге истечь кровью, а если его вытащить, Хари рискует погибнуть.

– Ты его не трогай, но прижми покрепче, – посоветовал я. Потом подозвал Луку Жирного.

– Помнишь старого доктора Кордина, с Сетевязального ряда? – тихонько спросил я его.

– Как не помнить, – Лука очень старался не смотреть на ногу Хари.

– Вот и славно, так ступай-ка найди его да приведи сюда. Надо будет – из постели его вытягивай, но приведи.

Лука кивнул и поспешил к выходу.

Билли Байстриюка я послал отыскать каких-нибудь тряпок на перевязку ноги, пока Хари будет ждать подмоги.

– Едрёна монахиня, можно нам уже, чёрт подери, выпить?! – крикнул Йохан из-за стойки, некоторые из его парней согласно заревели. Я оставил его вопрос без внимания – так же, как и он оставил без внимания своего раненого. Да, разные всё-таки у нас подходы к командованию.

Я снова посмотрел на трупы, лежащие на полу. Двенадцать, и ещё одного я отпустил. Они, видать, понадеялись, что ихний взрывной порошок даст им достаточное преимущество, чтобы возместить наш перевес в числе, к тому же они, без сомнения, ожидали, что мы все напьёмся в стельку. Я взглянул на Йохана – тот хлестал брагу из горла. Будь он за главного вместо меня – так и напились бы.

– Надо от трупов избавиться, – сказал я. – Котелок, ты ведь помнишь короткий путь до речки?

Котелок ошеломлённо глядел перед собой в пространство. Только когда я ещё раз окликнул его по имени, парень оклемался. Я понял: нужно занять его делом. Чем-то таким, что вернёт его из-под Абингона в настоящее. Через пару мгновений он кивнул:

– Переулками. Там, это, лестница прямо к воде.

– Верно, Котелок, – сказал я. – Поди-ка найди какую-нибудь телегу, запряги в неё лошадь. Только не Эландова битюга, мою возьми или Анны. Потом вы с Браком

да с Сэмом Простаком погрузите трупы на телегу, свезите их переулками к реке и сбросьте в воду. Сможешь, Котелок?

Он прочистил горло, нервно облизал губы. Я, по правде сказать, не думал, что он сможет, но это займёт его делом. Он дорогу покажет, а там уже Брак с Сэмом разберутся, что да как. Брака мертвецы нисколько не тревожили, а Сэма – так того, кажется, ничем было не пронять.

– Могу, – чуть поколебавшись, ответил Котелок.

– Молодчина, – ответил я. – Тогда не тяните.

Котелок снова кивнул и направился на задний двор, где Лука определил коней в стойло. Там, как мне помнилось, стояла и подвода – обычно на ней возили из пивоварни бочки с напитками. Пусть Котелок узнает это сам и почувствует собственную нужность. Ему на пользу пойдёт.

Ещё пару ребят я отправил заделывать разбитое окно и перегораживать остатки дверного проёма. Утром надо бы вставить новую дверь, но пока обойдёмся тем, что имеется под рукой. Брак и Сэм грузили трупы на подводу, а вот вернулся и Лука Жирный с доктором Кордином.

Кордин был не совсем доктор, скорее вообще-то цирюльник, и было ему под семьдесят, если не больше. При всём при том он умел прочищать и зашивать раны. Видел я как-то раз, как он извлёк у кого-то арбалетный болт, так что вряд ли осколок огненного камня составит для него трудность. Были на Кордине ночная сорочка, пара стоптанных башмаков да латаная-перелатаная накидка, и видно было по нему, что происходящему старик совсем не рад. По правде сказать, меня он ещё меньше рад был лицезреть, а при виде мёртвых только тяжело вздохнул.

– Томас Благ, – сказал Кордин. – Вот уж не думал повстречать тебя снова.

Я пожал плечами:

– Чтобы извести Благочестивых, одной войны недостаточно. Тут для тебя есть парочка раненых.

Врач присел на корточки рядом с Хари. Тот теперь напоминал по цвету дешёвую сальную свечу, глядел измученно и дышал урывками, морщась от боли. Чёрный Билли выглядел получше, а потому с ним можно было поговорить.

– Он потерял много крови, – протянул Кордин, как будто это и так было не очевидно. Левая штанина у Хари вся пропиталась красным, и на полу вокруг сапога растеклась уже небольшая лужица. – Кто-нибудь, отнесите его на кухню и найдите чего-нибудь перекусить.

Я посмотрел Хари в лицо и понял, что тот потерял сознание. Двух Йохановых ребят я отрядил, чтобы позаботились о раненом, и они исчезли в кухне вместе с доктором. Сам Йохан всё пил, и я подошёл к нему.

– Там твой человек на кухне, – тихо сказал я. – Там твой человек сейчас будет матушку звать, когда доктор его примется резать. Тебе бы с ним посидеть, что ли.

Йохан взглянул на меня, и я не сводил с него глаз, пока мой братец не пошёл на попятную и не проследовал в кухню за своими ребятами. Бутыль, как я заметил, прихватил при этом с собой. Разные подходы к командованию, как я уже говорил.

Глава шестая

На следующее утро Хари был ещё жив, и за это я воздал хвалу Госпоже. Чёрный Билли щеголял рядом аккуратных стежков на руке – через пару недель будет у него ещё один замечательный шрам, чтобы девкам пыль в глаза пускать. Билли был добрый малый, внебрачный сын некоего купца, одной лишь Госпоже известно откуда родом – из какой-то заморской страны, где все люди чёрные как ночь. Когда я подошел его проведать, Билли улыбнулся:

– Ничего, начальник. – В доказательство накрепк он свои бугристые мышцы.

– Ты стежки-то не натягивай, разойдутся, – предостерег я парня, похлопав по плечу. Билли первым из отряда получил ранение не как солдат, а уже как один

из Благочестивых, и его выдержка говорила о многом. Это был добрый знак – не хотелось бы, чтобы кто-нибудь чувствовал слишком резкую перемену, по крайней мере пока.

Затем я прошёл на кухню, чтобы лично осмотреть Хари. Тот лежал на длинном столе, крытом соломенным тюфяком, нога была обмотана бинтами. Дышал, но был по-прежнему мертвенно бледен и холоден. Одежда всё ещё была напитана кровью, но уже не так обильно. Возле него всё так же дежурил доктор Кордин, и это

меня удивило. Йохан пьяно дрых, откинувшись на стуле, и это меня, напротив, не удивило нисколько.

– Ногу резать не придётся? – спросил я лекаря.

Кордин сжал свои по-старчески морщинистые губы и плотнее закутался в поношенный балахон.

– Если рана не загноится, то нет, – ответил он. – Загноится – помрёт. А с ампутацией я не справлюсь. Если уж рана загноится, Томас... верно, придётся тебе оказать ему последнюю милость.

Я кивнул. Как-никак, скорая смерть от клинка в сердце лучше, чем медленное умирание от гангрены и безумия. Если до этого дойдёт, то быть по сему. Порой человеку надо помочь спокойно переплыть реку. Тогда, под Абингоном, мы тоже помогали вот так друзьям. Трудно, но иногда ничего лучше уже и не придумать.

– Ладно, – сказал я. – Знаю, ты рассчитываешь на оплату – её ты получишь. Мне вот только бы тётушку найти.

– Энейд? – спросил доктор. – Ищи её в обители.

– Шутишь?

– Нет, Томас, – ответил он. – Твоя тётушка вот уж год как обет приняла.

– Тогда кто же, чёрт возьми, – сказал я мягко, – ведёт моё дело?

– Почём я знаю, оно ведь больше и не твоё. Сам видишь, что здесь случилось. Постоялые дворы по-прежнему работают, и трактиры, и «Золотые цепи», но хозяева теперь у них новые. Бордель сгорел, а торговцы платят теперь пошлины в другом месте.

– Вот чёрт, а что со скаковым жеребцом?

– А жеребец сломал ногу, – признался Кордин. – Вот ему горло и перерезали. Я... я соболезную, Томас.

Я уставился на него, поражённый. Всё пошло прахом – вот что означали его слова. Я растерял всю свою собственность, кроме вот этой харчевни, которую я только что с боем вернул во владение. Это была печальная весть, однако, как по мне, что построено один раз, то можно построить и заново. «Руки кожевника» имели для меня огромное значение. Это было первое заведение, которым я занялся, когда бросил ремесло каменщика. Особенное это было место.

Я оставил доктора присматривать за Хари и отправился искать Анну. Нашлась она в главной комнате, где отряд угощался свиным салом и утренним пивом – пил даже Билли Байстриук. Ну ладно, Альману хотя бы удалось сберечь кой-какие запасы продовольствия в голодные времена. Значит, на худой конец, чёрный рынок ещё не загнулся – и это было хорошо.

– Пошли со мной, – шепнул я Анне на ухо. – Да потише.

Не говоря ни слова, она встала и проследовала за мной в заднюю, кирпичную часть здания. Я провёл её по коридору до третьей, самой маленькой кладовой.

– Что такое, Томас? – спросила она.

Я смерил Анну взглядом, прикидывая в уме, можно ли поручить ей задуманное.

– Нужно на тебя кое в чём положиться, – наконец сказал я.

– Я была твоей правой рукой, пока твой брат не вернулся. Хотелось бы думать, что ты можешь на меня во всём полагаться.

В бою так оно и было, это я знал наверняка. Но здесь другой случай. Жизненно важный.

– Постереги-ка дверь. Постарайся не отвечивать, но никого сюда не впускай, пока я не выйду. Даже Йохана. Сделаешь, Анна Кровавая?

Она кивнула. По своему обыкновению, не стала задавать вопросов – зачем и надолго ли. Просто вышла за дверь и закрыла её за собой. В кладовой было сумрачно, через мутное стекло единственного окошка с трудом пробивался сероватый свет, и я пожалел, что не захватил с собой фонаря. И всё же я нашёл что искал – железный рычаг, вроде тех, какими открываются сундуки или бочки для сыпучих веществ. Он был весь в пыли и паутине, но для дела годился. Я взвесил рычаг в руке и повернулся к задней стене. Добрая это была стена. А какой же ей ещё быть, я ведь сам её когда-то строил. Каморка была несколько меньше, чем можно было ожидать, исходя из размеров здания, но, чтобы это заметить, требовался зоркий глаз, а такого, хвала Госпоже, не нашлось. Я отсчитал нужное количество кирпичей – двадцать три от двери вбок и шестнадцать вверх. Вот этот. Концом рычага продавил тонкий слой сухой растрескавшейся штукатурки и стал расшатывать, пока не поддалось. Кирпич сдвинулся, и я водил рычагом туда-сюда, стараясь не производить шума. Отряд буйно пировал в главном помещении – вряд ли кто меня услышит, если только я вдруг не закричу, но хотелось, чтобы меня не слышала даже Анна. Всё-таки не настолько я ей доверял, по крайней мере сейчас. Пойдёт что-нибудь не так – мне хана. Как-никак я дал ребятам обещания – надо бы сдержать.

Наконец я достаточно расшатал неплотно пригнанный кирпич, чтобы за него ухватиться, вынул из стены и бережно уложил на крышку бочки с рыбой мокрого посола. Просунул руку в открывшуюся дыру, дотянулся до потайной полки, нащупал мешки с монетами.

Первым попался мне мешок с золотом – до половины набитый золотыми кронами. Вот какую тайну хранили «Руки кожевника». Именно поэтому я и повёл отряд прямо сюда, поэтому сражался и убивал, чтобы вернуть себе харчевню прежде всего, даже прежде «Золотых цепей». Банкам я не доверял. Вместе с банками приходят сборщики налогов, начинаются ненужные расспросы, и таким образом «Руки кожевника» стали золотым сердцем Благочестивых. Кроме меня, об этом не знал никто.

Впрочем, золото меня тогда не так интересовало. С трудом, под неудобным углом просунув руку сквозь узкий ход, я наконец нашарил тяжесть золотых крон сквозь кожу мешка, особенно неповоротливого в таких условиях. Через некоторое время у меня получилось так изогнуть руку, что я нащупал и другой мешок, с монетами попроще. Серебряные марки, их-то мне и надо. Я подцепил мешок, вытянул его через ход и взвесил в ладони. По моим прикидкам, было там от двух до трёх сотен серебряных марок. Умелый ремесленник в Эллинбурге, бывало, зарабатывал две марки в месяц, если преуспевал и если не было недостатка в заказах.

Я удовлетворённо кивнул и сунул мешочек в большой внутренний карман сутаны. Был он увесист, но, как я предполагал, в скором времени станет легче. Затем я вложил вынутый кирпич обратно в дыру, как смог, законопатил отошедшую штукатурку, остатки осторожно смёл сапогом с глаз долой. Есть к чему придраться, но сойдёт. Спрятал рычаг за бочонком с салом и отпер дверь.

Анна расслабленно прислонилась к стене, подрезала ногти кинжалом и стерегла проход.

– Готово? – спросила она.

Я кивнул и полез в карман сутаны. Вынул из мешка десять марок и вложил ей в ладонь.

– Ты моя правая рука, Анна, – сказал я. – Была и будешь, а значит, жалование у тебя должно быть, как положено правой руке. Только, ради Госпожи, пусть Йохан об этом не знает. Тебя-то ему не заменить, но вот именно сейчас пусть думает, что заменил, – так надо. Понимаешь?

Она опустила взгляд на десять серебряных монет у себя в ладони, затем перевела на меня. Глаза у неё сузились. В армии сержант зарабатывает такое количество долгим трудом, за полгода и больше. Она сжала губы, будто хотела что-то сказать, но потом передумала. Монеты исчезли у неё в кошельке.

– Благодарю, – кивнула она; так Анна Кровавая и стала по-настоящему моей правой рукой.

Я хотел перемолвиться кое о чём с тётушкой, но и прежде этого было о чём позаботиться. На кухне расплатился с доктором Кордином серебряной маркой. Собственно говоря, я переплатил, но меньше у меня не было, кроме пары медяков, которых не хватило бы. Иметь его у себя в должниках, во всяком случае, не повредит.

Хари, всё такой же мертвенно-бледный, уставился на меня в растерянности. Думаю, он тогда даже не совсем понял, кто я такой.

– Ступай-ка домой, накинь на себя что-нибудь, – сказал я Кордину, – потом возвращайся и присматривай за Хари. Я его не знаю, но это человек моего брата, и ранило его, когда он за меня дрался. Так что теперь это и мой человек.

По правде говоря, Хари ранило, когда тот проснулся от взрыва огненного камня, но это не важно. Важно другое: если он выживет – навсегда станет моим. По крайней мере, это будет один из отряда Йохана, которого я принял к себе.

Посмотрел я на братца – тот всё так же храпел, развалившись на стуле. Порожняя бутылка из-под браги валялась на полу возле его сапога. Да, прошлой ночью он храбро сражался, и я знаю, что зла на него держать не следует, но уже одно то, что он снова здесь, под этой крышей, напоминало мне, как плохо мы с ним ладили. Нас объединяли ужасы нашего детства, но в зрелые годы мы так и не сдружились.

Вернулся я в общую комнату и там раздал каждому по три марки.

– Привет вам, Благочестивые. Этой ночью бились вы славно все до единого, и этого я не забуду. Говорил я вам, что здесь найдётся для вас дело, ну так вот оно. Порой придётся выполнять грязную работу, врать не стану, но по труду будет и оплата, так что тут ничуть не хуже, чем в армии.

На миг повисла напряжённая тишина, а затем лица стали расплываться в улыбках.

– Благодарствуем, начальник, – сказал парень по имени Мика. Он был из Йохановых – и вот только что назвал меня начальником. Добрый знак. Теперь, видно, их у меня двое. Я похлопал его по плечу и дал ещё одну марку:

– Вот, держи-ка да разыщи каких-нибудь мастеровых. Когда вернусь, чтоб стояла новая дверь, да и окна побитые пускай заменят.

Мика кивнул. Ответственности было ровно столько, чтобы он почувствовал – ему доверяют, его ценят, а денег – ровно столько, что не было смысла с ними сбегать. Как-то так обстояли дела, по моим прикидкам. Немного доверия, немного ответственности, мало-помалу всё больше, пока наконец они не станут твоими.

Котелок, Брак и Сэм Простак почти полночи провозились с трупами, сбрасывая их в речку, и теперь храпели на конюшне, так что их я решил покуда оставить в покое. Им я заплачу позже, и каждому по марке сверх того, за чёрную работу с мертвяками. Зная, что за грязный труд больше заплатят, на него быстрее найдутся добровольцы. А я знал, что мне они вскоре понадобятся.

Я обратился к сэру Эланду:

– Я ухажу. Окати-ка Йохана водой из ведра и скажи, что он за главного, покуда я не вернусь.

Лжерыцарь кивнул, но в его взгляде я уловил недовольство. Он-то, ясное дело, думал – это ему достанется должность моей правой руки. Может, и досталась бы, если бы я Эланду доверял, а я не доверял. Потому что повода для доверия он так и не предоставил. Анна Кровавая не раз спасала мою шкуру под Абингоном, ну и я в долгу не оставался, что и укрепило нашу связь. Йохан был мне братом, при том что мы с ним не ладили, и это была связь несколько иного рода. Может, не самая надёжная, но всё-таки связь. Никогда Йохану не стать моей правой рукой, что бы он сам на сей счёт ни воображал, но место ему при мне всегда сыщется. По крайней мере, перед ним я тоже в долгу. В таком случае пусть будет моей левой рукой. Сэру Эланду при таком раскладе не оставалось места ни по какую из рук, насколько я мог судить. Он мог или встать ниже женщины по рангу, или проваливать, для меня это было всё едино.

– Анна, Лука, за мной, – позвал я. Вывел их во двор за харчевней. Мы с Анной оседлали своих лошадей, Луке достался мерин Йохана.

– Куда едем, начальник? – спросил Лука, когда мы справились с упряжью. Я сощурился на холодное и бледное утреннее солнце и указал на вершину холма,

возвышающегося над западной частью Эллинбурга.

- Вон туда. Там, наверху, святая обитель. Монахини служат Матери.

- Зачем? - удивилась Анна.

- По всей видимости, тётушка моя приняла священный обет. Если так и есть, то она находится там.

- И тебе нужна с собой женщина, чтобы тебя впустили?

- Может, да, а может, и нет. Ты, Анна, едешь со мной, потому что я могу на тебя положиться, а не из-за того, что там у тебя между ног.

Она обожгла меня взглядом.

- Так поэтому ты меня взял, а не своего брата?

- Брата я не взял, потому что он упился в стельку, а «едрёна монахиня» - это его любимое присловье, - ответил я. - Так что на этот раз и без него обойдёмся.

Лука Жирный хохотнул, и даже Анна вымученно улыбнулась, что бывало редко.

- Ладно, - она вскочила в седло, мы тоже, и наша троица выехала навстречу чудесному эллинбургскому утру. Чудесное утро в Эллинбурге - это когда дождь ещё не пошёл, а только собирается.

- Смотрите в оба, - прошептал я, когда мы выехали с переулка на узкую улицу, затенённую верхними этажами. - Непонятно, хорошо ли они вчера уяснили наш намёк.

Когда я передавал послание через парнишку, которого пришлось отпустить, я всё ещё предполагал, что у меня есть и другая собственность. Теперь же, когда оказалось, что, по-видимому, ничегошеньки у меня нет, как бы эта угроза не прозвучала несколько легковесно. Мы, все трое, надели латы, у меня под сутаной с капюшоном скрывалась кольчуга и перевязь с Плакальщицами. Лука Жирный, не привыкший к седлу, восседал на коне как мешок с репой, но и у него

на ремне болталась грозного вида секира, а у Анны Кровавой – кинжалы и арбалет. Не думаю, что кто-нибудь в тот раз недопонял наши намерения.

– Здесь пока остановимся, – вдруг сказал я.

– Прямо здесь? – спросила Анна.

– Прямо здесь. В Свечном закоулке.

Я свёл их с дороги вверх по извилистому проулку между нависшими стенами доходных домов, вместе с лошадьми пробираясь по широким пологим ступеням. Эллинбург по большей части стоит на холмах, ступени и узкие проходы извиваются между тёмными нависающими над головой зданиями, которые, кажется, там наверху сходятся крышами. У верхнего конца проулка было подворье с постоянным двором на одной стороне и свечной лавкой на другой. Я обернулся к постоянному двору.

– Анна, сходи-ка разузнай, можно ли снять комнату на одну ночь. Хочу узнать, кто там сейчас на карауле.

– Почему я? – удивлённо взглянула на меня Анна. – Ещё подумают, будто я шлюха.

Вот это вряд ли. Анна так ловко держится в седле, будто бы в нём и родилась, на ней кольчуга поверх рубашки из вываренной кожи, у пояса – два кинжала, с упряжи свешиваются арбалет и колчан. Так что едва ли кто-нибудь в обозримом будущем сможет принять Анну за шлюху.

– Потому что ты не местная, и тебя не узнают ни в лицо, ни по выговору, – ответил я, и ей оставалось лишь молча согласиться. Как-никак мы-то с Лукой были оба из Эллинбурга. Она надулась, но спешила и толкнула дверь постоянного двора.

Мы с Лукой сели ждать, держа лошадей за углом, чтобы их не было видно.

Вернулась Анна с лицом, перекошенным от гнева.

– Ну ты и мудака, – бросила она мне.

Я вскинул брови. Анна была моей правой рукой, и такое было ей простительно, но всё-таки.

– А что такое? – спросил я.

– Да взбрело ему в голову, что это мне нужна шлюха, вот он и говорит – слишком, дескать, у меня страшная рожа для любой из его девок. Так что спасибо, начальник. Отлично я себя теперь чувствую.

Анна редко выдавала за раз такое количество слов. Значит, она по-настоящему расстроена, а такого я допустить не мог.

– Ладно, – сказал я. – Постойте-ка здесь.

Перебросил свои поводья Луке и слез с лошади.

– погоди, – начала Анна, но я не стал её слушать. Анна была хорошим солдатом и хорошей женщиной, а постоянный двор был когда-то моим. Даже если теперь я им не владею – ну, это мы ещё посмотрим, – я не потерплю такого с ней обращения. Она была моей правой рукой, и, хотелось бы думать, моим другом.

Пинком распахнул я дверь и вступил в неприбранную комнатушку, сжав в пальцах рукоятку Плакальщиц, готовый карать за нанесённое оскорбление. В комнатушке обнаружился всего один человек – толстый лысеющий мужчина годов пятидесяти или около того. Он склонился над столом в растёкшейся лужице свежей крови. Похоже, Анна Кровавая уже свершила свою собственную карающую справедливость. Как по мне, слишком уж строго карающую. Я развернулся и вышел назад к своим.

– Могу и сама за себя постоять, – проворчала Анна. Поворотила коня и поехала дальше по переулку, не глядя в мою сторону. Я вскочил на кобылу и поехал следом. Анна могла постоять за себя, это уж точно. Своё

прозвище заработала она при Мессии, и мне было известно, на что она способна. Из-за возвращения в родные места я, видимо, подзабыл, что со мной за люди. Она

обошлась с обидчиком суровее, чем он того заслуживал, и при других обстоятельствах я бы, может, и рассердился, но я дал ей ощутить свою незначительность, чего делать не стоило. Лука Жирный следил за своим конём и держал язык за зубами, что с его стороны было весьма разумно.

Мы ехали вверх через Закоулки, оставили позади Вонище, и теперь наш путь пролегал по более зажиточным кварталам города. Но даже там не могло укрыться от глаз – в Эллинбург пришли тяжёлые времена. На рыночной площади толклось чуть не вполовину меньше торговцев, чем обычно в это время года, а цены, которые они, выкрикивая, требовали за самую простую пищу, – были до смешного за пределами.

– Что за чёрт? – вслух удивился Лука.

– Война, – отрезала Анна, и тут было не поспорить.

– Да уж, – протянул я, но она не ответила.

Мы проехали город, выбрались через западные ворота. Свернули с Западной дороги и направились в гору – лошади замедлили шаг, потому что подъём становился всё круче. Анна всё так же раздражённо молчала, и я понимал: беспокоить её не стоит. Потом, конечно, придётся извиниться, чтобы уладить наши взаимоотношения, но сейчас это не ко времени. На вершине холма показались стены обители, на которые и следовало обратить внимание. Пришёл час перемолвиться словом с тётушкой.

Глава седьмая

У врат обители нас встретили. Врата эти никогда не закрывались, разве что в случае бунта, но это не означало, что желанным гостем может быть кто угодно. На страже стояли две монахини – крупные дюжие бабищи в сером облачении с алебардами в руках. Оружие сдвинулось, преграждая нам путь.

– Чего тебе здесь нужно, Томас Благ? – спросила одна из бабищ. Похоже, не все в родном городе меня забыли, и то хорошо.

– Да мне бы с тёткой увидеться, – ответил я.

Монахиня смерила взглядом меня, Луку и Анну, на взгляд оценивая вес нашего оружия и снаряжения. Губы у неё сжались в тонкую черту:

– К сестре Энейд нельзя – она выполняет епитимью.

Я не смог сдержать улыбки. Это меня не удивило, уж свою-то тётушку знал я отлично. Она участвовала в предыдущей войне и в бою никому спуска не давала.

– Не могли бы вы впустить меня в виде исключения? Племянник любимый только что с войны вернулся. Она уж хотя бы захочет поглядеть на меня живого-здорового.

– Мы ей обязательно передадим, – сказала другая монахиня. – Когда выполнит епитимью.

Тогда настал черёд Анны. Она, Анна, была совсем не дура, и умела зрить в корень. И это, собственно, ещё одна причина, по которой я захотел взять её с собой.

– Я ищу пристанище, сестра, – взмолилась она. – Я женщина, вернулась с войны и желаю принять постриг. Эти мужчины – мне свидетели.

Первая монахиня нахмурилась. Она, видать, дурой тоже не была и явно понимала, что Анна здесь совсем не за этим, но таковы были её слова, и монахиня, конечно, не могла отказать. Обитель была посвящена Матери Благословенного Избавления, богине женщин – участниц войны и переживших войну. И раз Анна сказала, что желает принять постриг, то уж придётся её впустить вместе со свидетелями. По обычаю, предполагалось, что свидетели тоже будут женщинами, однако ничто не запрещало выступать в этом качестве и мужчинам, и Анна об этом знала. Я, разумеется, тоже. Стражницы неохотно раздвинули алебарды и впустили нас в ворота.

– Вам надо будет явиться к матери-настоятельнице, – окликнула нас одна из них. – А к ней попасть не так-то легко.

К счастью, нужды в этом и не было. Пройдя в ворота, мы оказались на широком дворе с овощными грядками и плодовыми деревьями перед серой громадиной самой обители, а посреди двора в грязи стояла на коленях тётушка Энейд. Я спешился, передал поводья Луке – он всё так же восседал в седле, будто мешок с репой. Подошёл к тётушке, а та уже подняла свою клюку и медленно, с видимой болью встала на ноги. Полы своего серого одеяния она подоткнула за пояс, чтобы совсем уж их не замызгать, и голые колени были все в земле. Тётушка оперлась на клюку и взглянула на меня. Я всмотрелся в её левый глаз, синий и постоянно моргающий, стараясь не глядеть на кожаную заплатку, покрывающую недостающий правый.

– Здравствуй, тётя, – сказал я.

Она вздохнула, надув щёки. Это была грузная женщина лет шестидесяти, коротко стриженная и кривая на один глаз, да к тому же хромая – неправильно срослась сломанная когда-то лодыжка.

– Ты одет как капеллан, Томас, – коснулась она моей сутаны с капюшоном.

– Так я капеллан и есть, – ответил я. – А ты, как я посмотрю, теперь монахиня.

– Я – толстая старуха, которую заставили полоть грядки с овощами, потому что матушка-отстоятельница шуток не понимает! Как там на войне?

Я ощутил, что она мысленно меня исследует, ищет признаки переживания, которого я начисто лишён. Боевого шока. Знал я, что Йохан, к примеру, его испытал, и Котелок, и даже, наверное, Анна, насколько мне известно. А я – нет.

– Вернулся вот, хвала Госпоже нашей, – сказал я. – Вот это – Анна Кровавая, а Луку ты, надо думать, помнишь.

Энейд поздоровалась с каждым коротким кивком.

– Вот и славно. Ты, конечно, хочешь знать, что же случилось.

– Ясное дело, хочу, – согласился я. – Хочу знать, кто все эти люди, которые присвоили моё хозяйство. Хочу знать, с кем это нам пришлось драться, чтобы

вчера ночью отбить «Руки кожевника».

Энейд снова вздохнула.

– Кануло всё к чертям, Томас. Вот как вы с Йоханом и с другими ребятами ушли на войну, так и кануло. Альфрида, бедного, в реке нашли. Коня перед купленным состязанием испортили. Постоялые дворы отобрали, «Золотые цепи» разгромили, бордель сожгли, а что я могла сделать? Два года я держалась, но... одна толстая старуха да кучка стариков и безбородых мальчишек – что я могла сделать-то?

– Кто это был? – настаивал я.

Конечно, мы, Благочестивые, были не единственными в городе дельцами, но остальные кланы точно так же, как и мы, отправились на войну. Никто за последние три года не должен был усилиться, уж точно не настолько, чтобы сместить Энейд. Пусть она сколько угодно считает себя всего лишь толстой старухой, да она, собственно, такая и есть, но она к тому же и ветеран войны, сам видел, как она ловко раскраивает головы палицей. Подсидеть тётушку было нелегко, это уж точно.

Она пожала плечами.

– Нездешние какие-то. – Тут она сплюнула на землю. – Все бойцы ушли из города, так что мы оказались лакомым куском: приходи, режь да ешь – не хочу. Пришли они из какого-то чужого города. Из какого, не довелось у них справиться, тут гляди, как бы тебя не пришили на хрен.

– Да, – протянул я. Хоть мне и не понравилось услышанное, оно весьма походило на правду. – И вот теперь, значит, ты монахиня.

– Хм-м-м. Крыша над головой, крепкие стены да еда в брюхе – тогда меня это сюда и привлекло.

– Теперь не утратилась ли эта привлекательность?

– Ну а ты как думаешь? – она раздражённо указала на свое изгвазданное одеяние. – Похожа я на долбаную монашку, а, Томас?

– Выражаешься ты точно не как монашка, сестра Энейд, – произнёс голос, рассёкший пространство словно удар бича. Я обернулся и увидел худую, сварливую на вид женщину в белых одеждах, которая ступала к нам в сопровождении одной из привратниц. Было ей на вид лет сорок пять, нос был длинный и острый, а тонкие губы казались вечно неодобрительно поджатыми. Это, очевидно, и была матушка-настоятельница, которая не понимает шуток. Когда она остановилась, тётушка Энейд к ней обернулась. Женщина в белом явным образом тряслась от гнева.

– Не знаю, зачем ты ихпустила, сестра Джессика, – набрасывалась она на дюжую монахиню, что шла рядом. – Не важно, что там тебе наплели, это ведь очевидная хитрость. Пока сестра Энейд выполняет епитимью, к ней никому нельзя, а епитимью выполнять она будет ещё очень долго.

– Это матушка-отстоятельница, – сказала мне тётушка.

– Да как ты смеешь! – воскликнула та. – Да я тебя за такое с землёй смешаю!

– А вот это видела? – сказала Энейд и заехала матушке-настоятельнице по морде. Сухопарая женщина осела задом прямо в грязь, из разбитого носа хлынула кровь и залила ей белое одеяние. Анна хрюкнула от смеха и вскинула арбалет. Прицелилась она в дюжую монахиню.

– Ни с места, – сказала она.

– Слезай с лошади, мальчик, – обратилась тётушка к Луке. – Ты хотя и жирненький, но, верно, можешь бегать, а я вот не могу.

Лука Жирный, смутившись, поспешно слез, а тётушка Энейд взгромоздилась в седло и зажала клюку между коленями.

– Ну? – вопросительно глянула она на меня, пока матушка-настоятельница силилась встать на ноги, шипя от гнева и истекая кровью из носа. – Поехали уже, нет?

Я вскочил в седло, и мы устремились к воротам, а Лука Жирный, пыхтя, потрусил за нами.

Вот так тётушка Энейд и покинула святую обитель.

Глава восьмая

Когда мы вернулись в «Руки кожевника», оказалось, что Йохан наконец отошёл от оцепенения, и теперь в харчевне разгоралась драка. Котелок бесновался из-за того, что всем остальным заплатили, а про них с Браком да Сэмом Простаком забыли, ну а Йохан – просто потому, что мог. Сэр Эланд, насмешливо ухмыляясь, следил за потасовкой из-за стойки.

Мы уже отвели лошадей в стойло и оставили Луку Жирного во дворе – просохнуть от пота и проблеваться после непривычной для себя пробежки, так что вошли в харчевню через чёрный ход мы втроём – Анна Кровавая, тётушка Энейд и я – и увидели ожидающий нас кавардак. Котелок ухватил Мику за горло, занёс кулак, а круглое его лицо исказилось несвойственным ему оскалом.

– Отставить! – по-сержантски рявкнула Анна. Им, моим ребятам, этот голос был знаком не понаслышке, чего нельзя сказать об отряде Йохана, но и они послушались командного окрика сержанта. Крик стих, Котелок выпустил Микину шею.

– Какого хрена, – спросил я негромко, – здесь творится?

– Ты платишь людям? – накинулся на меня Йохан. – Чем, чёрт возьми?

– Чистым серебром, братец, – ответил я. – Для вас троих тоже оплата найдётся, да ещё одна марка сверх того за ночную работу.

Котелок пристыженно кивнул, краснея за свою неуравновешенность. Ему, Браку и Сэму Простаку выплатил я по четыре марки на брата у всех на виду. Грязная работа щедро вознаграждается, и мне хотелось, чтобы все это поняли.

– Откуда деньги? – не унимался Йохан. – Доктор Кордин вот говорит, что вокруг всё лежит в разрухе, Томас, а в каком-нибудь другом из наших заведений ты достать их не мог, потому что они-то больше ни хрена не наши!

Он снова повысил голос, теперь уже на меня, да ещё при всём народе. Такого я стерпеть не мог, и, надо думать, тётушка Энейд это поняла.

– Разве не хочешь ты обнять свою старую толстую тётку, глупая твоя хмельная голова? – опередила она меня, ловко вклинившись между мной и Йоханом. – Пойдём-ка на кухню, мальчик мой, да поболтаем.

Она искусно оттеснила его от меня, а потом и из моего поля зрения. Не в первый уже раз тётушка Энейд спасала моего братца от плодов его же собственных глупостей и строгого возмездия, которое они за собой повлекли бы, и думаю, что не в последний.

Хари, конечно, по-прежнему лежал без сознания на своём тюфяке на кухонном столе, но я знал – кровавая рана тётушку вряд ли смутит. Как-никак сама ведь прошла войну.

Я отдышался, сдерживая злость. Окинул харчевню взглядом и впервые заметил двух плотников, трудящихся над входной дверью, – они пригнулись, словно старались слиться с обстановкой. Кивнул Мике:

– Молодчина.

– К закату рассчитывают закончить, начальник, – ответил он. – А стекло для окон только к завтраму будет.

– Ну и ладно, – кивнул я, – главное, что дверь поставят.

Сказать по правде, я был рад, что обеспечиваю их работой. Улицы в этом околотке всегда жили бедно, но это были мои улицы, улицы Благочестивых, и голодным здесь никто никогда не был. Когда я ушёл на войну, положение изменилось, и этого я допустить не мог. Не собирался я смотреть, как мои люди мрут с голодухи, во что бы это ни обошлось.

Пошёл я за стойку, налил себе стаканчик браги и для Анны тоже налил. Отряд постепенно успокаивался и возвращался к занятиям, которые прервала драка. Кто-то заштопывал дыры на одежде, кто-то точил клинок или очищал доспехи от ржавчины. Брак, как умел, пытался остричь Нику Ножу отросшие патлы. Чёрный Билли, дуралей такой, боролся на руках с Биллом Бабой – на вздувшемся бицепсе, гневно алая, проступили стежки. Чёрный Билли по праву гордился своими руками, но, если стежки у него разойдутся, тут он сам будет виноват. Если до этого дойдёт, придётся ему рассчитывать с доктором Кордином из собственного кармана, чтобы снова зашил ему руку. За тупость я платить не собираюсь.

Анна подсела ко мне за стойку и кивком поблагодарила за выпивку. Парни наблюдали за борьбой, выкрикивали ставки, и Анна склонилась поближе:

– Я насчёт денег, – отрывисто сказала она. Я взглянул на неё с безразличным видом:

– А что насчёт денег?

– Не знаю, что ты там делал в кладовке, и понимаю, что это не моего ума дело, но заходил ты с пустыми руками, а вышел с карманами, набитыми серебром. Поосторожнее с братцем.

Залпом осушил я стакан и налил себе ещё.

– Что ты имеешь в виду?

– Да знаешь ты, что я имею в виду. Если ты что-нибудь скрываешь, а, по-моему, так оно и есть, то Йохан не успокоится, пока не разнюхает.

Я кивнул:

– Да уж, знаю я своего братца.

Я было отвернулся, но она тронула меня за руку.

– И за тёткой тоже следи.

– За моей тётушкой?

Я оторопел. Как-никак тётушка Энейд нас с Йоханом чуть ли не взрастила.

– Она почти год просидела в этой своей обители, Томас, и не думаю, что ей там понравилось, – сказала Анна. – Если окажется, что оно ей было ни к чему, она, боюсь, озлится.

Столько слов зараз от Анны Кровавой я ещё ни разу не слышал, а ведь сказано всё это было всего за пару минут. Посмотрел ей в лицо – ни тени улыбки. Она тревожилась, это ясно. Что ж, она – моя правая рука, и тревожиться за меня входит в её обязанности, но вот насчёт Энейд она ошибается. Йохан – это да. Но мне и не нужно было напоминать, что не стоит доверять моему младшенькому. Поэтому-то она, а не он, была моей правой рукой. Но тётушка?

– Нашёл копилку Альмана, вот и всё, – соврал я. – Выручку с харчевни. Моя харчевня – и серебро тоже моё.

Анна кивнула и стала следить за соревнованием, не выпуская стакана из рук. Она явно не поверила и своё недоверие могла выразить лишь таким образом. Но это не важно. По моим словам выходило так, и так она и расскажет Йохану с Энейд, если те её вынудят. Анне можно было верить, одной из всех. Я вздохнул и коснулся её руки.

– Насчёт сегодняшнего. История эта с постоялым двором. Прости меня, Анна. И за его слова, и за то, что не поверил, будто ты и сама справишься. Я совершил ошибку и прошу меня извинить.

Она взглянула на меня, затем кивнула. Натужно улыбнулась уголком рта, отчего длинный шрам изогнулся.

– Понадобится мне шлюха, так уж я себе её найду, хоть красавицу, хоть уродину. Теперь у меня есть деньги, а они важнее внешности.

С этими словами она встала и присоединилась к следящим за борьбой. Чёрный Билли почти уложил Билла Бабу, его запястье находилось в каком-то дюйме от столешницы. Я хмуро проводил её взглядом. Ни разу не слышал, чтобы Анна

Кровавая переспала с женщиной, хотя, уж если на то пошло, не было ведь и такого, чтобы она переспала с мужчиной. Это в любом случае её личное дело, решил я. Допил брагу и пошёл на кухню за тётушкой.

Видок у Хари был жуткий, но тем не менее был он жив, а рядом всё так же сидел доктор. Йохан слонялся взад-вперёд с бутылью в руках, а тётушка Энейд сгорбилась на стуле с клюкой и внимательно за ним наблюдала. Не глядя на них, я заговорил с Кордином:

– Как он?

Лекарь поднял взгляд и пожал плечами:

– Рана гнилым не пахнет, так что как-то вот так. Впрочем, положение у него неважное. Почти всё время в несознанке, и как ни пытаюсь я его усадить, отключается. Я ему дал немного пива и чуть-чуть овсянки, но переваривать пищу он пока не в силах. Столько крови потерял, что... не знаю, Томас. Право, не знаю.

Я кивнул. Хари был призрачно-бледен, дышал слабо и прерывисто. Нога повязана новым бинтом, уже пропитавшимся свежей кровью, но кровь была, как и полагается, красной, а не жёлто-зелёной, что значило бы верную гибель. Мне случилось видеть гноящиеся раны, и если бы эта рана загноилась, я бы смогнюхать, даже не подходя вплотную.

– Командир? – прохрипел Хари. – Пить охота, сударь. Далеко ещё до оазиса?

– Ему нужна вода, но от этой дряни из реки он скорее помрёт, чем от раны, – сказал Кордин. – Надо ему дать немного пива или ничего не давать, а так он справляется.

– Держитесь тут, – положил я руку на плечо лекарю. Может, Кордин и не настоящий врач, но человек он добрый и делает, что может. Посмотрел я потом на Йохана, на его сердитую рожу и бутылку браги, зажатую в кулаке, и подумал: о нём ни того ни другого не скажешь.

– Йохан, – обратился я к братцу.

– Где, чёрт возьми, мои деньги? – напустился он на меня, не дав вымолвить ни слова. – Всем, значит, башляешь серебром, которого у тебя и быть-то не должно, а мне хрен. Своему родному брату, Томас!

Я умиротворяюще поднял ладонь и отсчитал пять марок.

– Держи свою долю, братец. Это больше, чем я выдал любому из своих парней, так что не хотелось платить тебе при всех. Вот и всё.

Он вылупился на меня, затем взял деньги.

– Ладно, – сказал он наконец, и злость отхлынула, как это всегда у него происходило. Больше, чем я выдал любому из своих парней, сказал я – и ведь не соврал. В конце концов, Анну-то нельзя назвать парнем.

Йохан сунул монеты в кошель и приложился к бутылке. Ещё пять марок отсчитал я тётушке Энейд, просто из уважения. Она села с деньгами в открытой ладони, не говоря ни слова.

– Откуда они всё-таки взялись? – немного погодя, спросил Йохан. – Ты мне так и не ответил, Томас.

– Копилка Альмана, – сказал я. – Я её нашёл и припрятал получше. Серебро он выручил с моей харчевни, так что, выходит, это моё серебро.

– Забавно, – протянула тётушка Энейд.

– Что забавно? – не понял я.

– Да что у Альмана вообще были денежки. Как я поняла, харчевней-то он не владел. Только управлял ею с ведома начальника. Так и не скажешь, что у него есть богатый тайник.

Я замялся.

– Ну, видать, наворовал. – И я отвернулся, чтобы на этом кончить разговор. Понятно, долго такое положение не продержится. Скоро мне придётся

потратить ещё больше денег, намного больше – чтобы накормить все эти улицы за новой входной дверью. А стало быть, нужно придумать, откуда у меня деньги, поскольку, видит Госпожа, правду я им открыть не мог. Так что, как по мне, иначе никак. Придётся вернуть себе все свои угодья.

Глава девятая

Наутро я созвал военный совет. Мы – я, Анна Кровавая, Йохан и тётушка Энейд – собрались в самой большой из кладовых, просторной комнате без окон, где ночевала бо́льшая часть отряда. Я не сразу решил, стоит ли приглашать на совет сэра Эланда, но в итоге не стал. С одной стороны, я ему не доверял, а, значит, правильнее было не спускать с него глаз, но с другой – очень уж много он о себе воображает, и пора бы напомнить, что он всего лишь один из отряда. Может, я в этом и не прав.

– Нам надо поговорить, – сказал я, сидя на койке при неровном свете масляной лампы. – Ты, Йохан – мой брат. Ты, Анна – мой сержант. Ты, тётушка Энейд, можно сказать, вырастила нас с Йоханом после гибели отца. Только вам я и доверяю.

Они глядели на меня в полумраке, не говоря ни слова. Йохану я нельзя сказать, чтобы доверял – уж точно не насколько следовало бы доверять родному брату, – но это всё-таки брат. Перед ним я в неоплатном долгу, и изменить это не в силах.

Я вздохнул и, спасаясь от утренней стужи, закутался потеплее в сутану. Тепло приходило в Эллинбург гораздо позже, и совсем ненадолго.

– Там, – сказал я, – на улицах, что принадлежат Благочестивым, людям нечего есть. Они болеют, но не могут позволить себе лечение. У меня на улицах люди изнемогают от невозможности найти работу. Этого я допустить не могу.

– Мы ведь выросли на этих улицах, – рассеяно глядя, негромко возразил Йохан, – мальчишкой ты гонялся за мной по этим вот переулкам. Люди и тогда голодали.

– Верно, голодали, но, став Благочестивыми, мы же положили этому конец. Мои улицы – мои люди. И отвечать за них тоже мне.

– Наши улицы, – поправил Йохан. Я на него зыркнул, но согласился.

– Ну, наши. Улицы Благочестивых. Когда-то я вывел их из нищеты и смогу вывести снова, если будете со мной.

Я обвёл всех взглядом. У Анны с Эллинбургом не было связано решительным образом ничего, так как нога её не ступала до сей поры по улицам города, но я знал – уж она-то меня не бросит. Тётушка прокашлялась:

– Насколько помню, Томас Благ, выводил ты эти улицы из нищеты, обложив каждый дом побором, не спрашивая его жителей, и тратил эти деньги удобным тебе образом на то, что, по-твоему, этого заслуживало.

Её слова меня, надо признать, изумили. Она, конечно, была права, но сейчас я не ожидал, что она выскажет подобное мнение.

– Всё верно. За это они получили моё покровительство. Не было такого, чтобы кто-нибудь ограбил дом на одной из улиц, принадлежащих Благочестивым, и ему сошло это с рук, а потом об этом разнеслась молва, так что любые попытки прекратились. Бывало, по этим улицам женщина не могла пройти в сумерках без сопровождения – этому я тоже положил конец. На улицах стало безопасно.

– Не слишком-то безопасно для тех, кто не захотел тебе отстёгивать, а?

Я впился взглядом в единственный тётушкин глаз и не понимал, чего это она так старается меня взбесить. Чуть было не сорвались с языка слова, о которых я бы потом пожалел, но тут меня опередил Йохан:

– Так и что с того, старая ты карга? Наши улицы – наши, мать их, правила!

– А то с того, Йохан, что повторить вы это не сможете, – сказала она, не отводя глаза. – У кого нет ничего, с того нечего и взять.

– Знаю, тётя, – ответил я. – Я ведь с войны вернулся, а не из жёлтого дома. У меня тайники с деньгами по всему городу – припрятаны по заведениям, которые у меня увели. Так что же, я их верну. Начнём с постоянного двора в Свечном закоулке. Анна побывала там вчера утром, и его точно не держит никто из наших знакомых. Хочу его вернуть.

– Вот и правильно, чёрт его дерит. – Йохан ослабился и хлопнул меня по плечу, как, наверно, это заведено у братьев. – Правильно, чёрт его дерит, Томас!

Я с вопросом глянул на Анну – та пожала плечами.

– Куда поведёшь, туда и пойду, – сказала она.

Тётушка Энейд пробралась пальцем под глазную повязку и какое-то время там почёсывала, цокая языком. Всё-таки монахиня из неё была ну совсем никакая, и мне внезапно пришло в голову: надо бы раздобыть ей какое-нибудь другое платье, прежде чем тётушка появится на людях.

– Поступай как знаешь, Томас, – сказала она немного погодя.

– Так чего тогда тянуть? Вот и порешили. Анна, собери-ка человек десять, а остальные пусть будут готовы удерживать харчевню, пока нас не будет. Вечером выступаем.

– Есть, – отчеканила Анна и встала. Вслед за Анной через некоторое время вышел и Йохан.

Тётушка задержала меня своим цепким, как стальной капкан, взглядом.

– С этой сраной харчевни, – тихонько сказала она, – и медяка было не выручить, ты это прекрасно знаешь. Где-то у тебя припрятано серебро, Томас Благ, и не пытайся меня в этом разубедить. Братец твой, может, и дурак, только я-то не дура. Там, откуда эти деньги, есть ведь ещё?

– Это уже моё дело, – ответил я.

– Так если у тебя есть накопления, и если ты хочешь помочь всем этим несчастным, тогда просто потрать на это свои сраные деньги, – прошипела Энейд. Сказать по правде, там, за стеной, было вдоволь золота, чтобы кормить мои улицы в течение года и более, но Энейд это касалось не больше, чем Йохана. Если я начну тратить золото, рано или поздно придётся отвечать, откуда оно у меня взялось, а рисковать я не хотел. Так что о нём должен знать только я один.

– Больше у меня и нету. А если бы и были, что делать, когда закончатся? Если начну кормить людей, а они попадут от меня в зависимость, так мне придётся как-то и дальше их кормить, а это уже не прокатит. Надо дать им работу, а не подачку, а для этого мне нужен доход. Как ты и сказала, поборы взимать не выйдет, так что нужно мне вернуть своё дело. И я, чёрт возьми, пойду и верну.

Остаток дня Энейд со мной не разговаривала, даже когда я послал Котелка купить для неё шерстяное платье взамен монашеской рясы. Платье было, конечно, ношеное, но новую одежду пошить для неё по мерке ещё успеется.

Я был рад, когда стемнело и мы, то есть я, Анна, Йохан, а также сэр Эланд, Лука Жирный, Билл Баба и ещё пятеро надели латы. Билл, похоже единственный из старого отряда Йохана, собирался отправиться с нами, но это меня вполне устраивало.

– Пока мы не вернёмся, тётушка моя будет тут за старшую, – сказал я остальным. – Пить запрещаю. Мне нужно, чтобы харчевня охранялась, и охранялась со всею бдительностью. Ясно?

Мои слова были встречены кивками и бормотанием, и наша десятка через новую дверь выступила на улицу. На весь отряд было только четыре коня, да и на них до конца пути не доехать. Мы двинулись пешком. К этому времени темень уже совсем сгустилась, и, когда одолели мы подъём, у свечника было уже закрыто. На подворье было хоть глаз выколи, только одинокий фонарь болтался над дверью постоялого двора.

– Как поступим? – спросила меня Анна.

– Поступим как Благочестивые! – и с этими словами Йохан, прежде чем я успел проронить хоть слово, занёс топор и пинком высадил дверь. Получилось, будто

мы только так всегда и поступали.

Все ввалились вслед за Йоханом, кроме нас с Анной. Я придержал её за плечо и не стал мешать отряду присоединиться к безрассудному натиску моего братца.

– Когда ты главный, Анна, – сказал я ей, – иногда лучше не лезть впереди всех.

Изнутри слышался звон битого стекла, затем кто-то завопил. Что-то с грохотом упало, затопали сапоги по хлипким деревянным ступеням. Я оттолкнул Анну в дверной проём свечной лавки, и, как и следовало ожидать, спустя мгновение одно из окон второго этажа разлетелось на тысячу осколков стекла и обломков свинцовой решётки – через него выкинули тело. С тупым шмяком неизвестный грохнулся прямо перед нами на мостовую. Во мраке я почувствовал, что Анна смотрит на меня с вопросом.

– Что же мы не сражаемся?

Я покачал головой.

– Не сегодня. Сейчас мы просто войдём.

Я подождал ещё минут пять, пока звуки разгрома и чинимого насилия не поутихнут. Из передней постоялого двора слышались голоса, кто-то с чужеземным произношением запросил пощады. Время пришло.

– Вперед, – скомандовал я и перешагнул лужу крови из трупа на мостовой. Вошёл, натянув сутану на кольчугу, Анна двинулась за мной.

Внутри на коленях стояли трое, а вокруг них куда ни кинь взгляд – кровь и битое стекло. Я увидел и два мёртвых тела, но моих ребят среди них не было. За спинами троих пленников с безумной ухмылкой на лице возвышался Йохан, с его топора стекала кровь.

– Готово дело, – доложил он.

Я кивнул и оглядел коленопреклонённую троицу. Никого из них я не признал, но один происходил определённо не из Эллинбурга. Для жителя этих мест был он

слишком высок и бледен, а длинные неухоженные волосы были собраны в грязно-белую косичку. Мужчины в Эллинбурге не носили длинных волос.

– Меня зовут Томас Благ, – обратился я к пленникам. – Это – Анна Кровавая. И это, друзья мои, мать вашу за ногу, мой постоянный двор.

Высокий и бледный плюнул в мою сторону, я в ответ пнул его в морду. Тут же широкое лезвие топора Йохана было у него под горлом, отчего ему пришлось поднять подбородок.

– Скольких вы из них убили? – спросил я у брата.

– Всего четверых.

– Так. Значит, семеро, – обратился я к бледному. – Семь человек охраняют постоянный двор. Многовато.

– Вчера кто-то прикончил нашего счетовода, – из-за разбитых губ понять его было непросто.

– Было такое, – подтвердил я. – Что ж, вы, видать, не местные, так что я сделаю вам милость и кое-что объясню. Мы – Благочестивые, и мы здесь главные. Этот постоянный двор принадлежит мне, и я выставляю вас вон. Но сначала вы расскажете, на кого работаете.

Белобрысый замотал головой. Один из его приятелей словно готов был что-то сказать, но затем передумал.

– Ну? – требовательно спросил Йохан. Обагрённым лезвием он посильнее надавил на горло коленопреклонённого, но ответа не последовало. Йохан зарычал и дёрнул бледного за длинную косу, отчего топор полоснул по шее и оставил кровавый подтёк.

– Нам нельзя, – взмолился другой. – У нас семьи, смилуйтесь... если проболтаемся, он ведь вырежет наших близких!

– Заткнись, – выдавил белобрысый. – Не говори им ничего!

- Пусты его, - сказал я, и Йохан с сожалением отвёл топор от шеи белобрысого.

- Что ж, если так дело обстоит, то вас можно понять. Вы славные ребята, но знайте - вы перешли мне дорогу. Убивать я вас не буду, по крайней мере, не сегодня, но если ещё раз мне попадётся, вам крышка. Ясно?

Длинноволосый угрюмо кивнул.

- Выкинь их на мороз, - приказал я Йохану, - а потом приступить к обороне.

- Как скажешь, Томас.

Когда троицу пинком выпроводили на улицу, Анна отвела меня в сторонку.

- Ты это зачем сделал? - прошептала она.

- Оставил их в живых? - спросил я. - Так же, как и того парнишку в «Кожевнике» - чтобы разошлась молва.

- Я не о том. Ты вламываешься как сама смерть во плоти, «просто входишь», как ты выразился, называешь себя и меня. Йохана ты ни разу не упомянул, Томас. Ни разу не назвал своего родного брата.

- Так ты же моя правая рука, а не он. Если это само мало-помалу до него дойдёт, так, верно, будет мягче, чем высказывать прямо в лицо.

- А когда дойдёт-то?

Я пожал плечами. Как по мне, там уже будь что будет.

В этот самый миг из задней комнаты, шатаясь, вышел Йохан: в одной руке бутылка с брагой, а другой мой братец облапил полуголую девицу с жёлтым шнурком на левом плече.

- Тут шлюх подвезли, Томас, - ухмыльнулся он. - Их-то мочить не будем, я надеюсь?

– Не будем, но и пользоваться тоже не будем. Соберите их в передней.

Анна обожгла меня взглядом, но я оставил её без внимания. Дело есть дело. Через пару минут я вошёл, чтобы к ним обратиться. Всего здесь было семь девок, по большей части не старше восемнадцати или девятнадцати. Одеты они были кто во что, от полупрозрачных сорочек до благообразных платьев – видимо, это зависело от того, какого рода услуги оказывала та или иная девка, когда мы вломились, но у каждой на левом плече был повязан жёлтый шнурок, указывающий на род занятий. Некоторые, завидев мою сутану, неуклюже присели в книксене. Рыжая девица, по виду на год-два старше прочих, подняла их на смех.

– Да какой он, на хрен, капеллан, – съязвила она. – Такой же головорез.

– Я капеллан, – поправил я. – Но в то же время и делец. Вы все здесь работали да здесь же, поди, и жили?

Девицы закивали, и некоторых, судя по всему, встревожило, что я сказал об этом в прошедшем времени. Это хорошо. Значит, намёк понят верно.

– Меня зовут Томас Благ, – многим из них, я заметил, моё имя знакомо. – До войны это был мой притон, и теперь он снова мой. Кто захочет остаться здесь и работать дальше – милости прошу. Кто не захочет – катитесь.

– А куда нам деваться? – возразила рыжая. – Мы ж не подзаборные шмары какие, мы поприличней будем. У нас и шнурок у всех имеется.

Я пожал плечами:

– Дело ваше.

Я понял – за ней придётся приглядывать. Она явно была у них за главную, и, по-видимому, беспокоилась за своё положение. Лениво почесала бок, отбросила с лица сальную прядь, затем нагло уставилась на Анну.

– Ты его подружка?

– Нет, – отрезала та. – Я – своя собственная.

Рыжая кивнула, кажется, ответ её вполне устроил.

– Какие будут условия? – спросила она меня.

Сказать по правде, этой стороной дела всегда заведовала тётушка Энейд, но сейчас её тут не было. Я был в полном неведении насчёт того, какими высокими должны быть расценки. Хотел что-нибудь промямлить, чтобы потянуть время, но тут вдруг вмешался Билл Баба.

– Я возьму это на себя, если угодно, начальник. Дома, до войны, содержал я свой собственный притончик. Так что дело я знаю.

Я дал ему добро. Без понятия, насколько можно было доверять Бабе, по крайней мере, пока, но сражался за меня он храбро, а когда Чёрный Билли опрокинул его в борьбе на руках, принял поражение безо всякой злобы. Словом, на него вполне можно было полагаться.

– Вот и славно. Это Билл, теперь он здесь начальник. Делайте, что он прикажет, и всё пойдёт как по маслу.

Я оставил парней познакомиться с девицами из Свечного закоулка поближе и вышел на подворье. Одному из ребят, само собой, надо будет остаться здесь вместе с Биллом, чтобы место было под охраной. Я был уверен – никто не станет возражать против такой обязанности, но лучше всех на эту роль подойдёт сэр Эланд. Во-первых, он сможет придать этому заведению налёт ложного шика, а, что более важно, я знал – к женщинам он в известном смысле равнодушен, так что по меньшей мере не будет зариться на девок. К тому же эта задача хотя бы удержит его от меня подальше.

Так я стоял в полумраке подворья, разминая спину под кольчугой. Труп вообще-то давно пора убрать, подумал я. Когда ко мне подошла Анна, я не удивился.

– Спасибо тебе, – сказала она.

Я уставился на неё:

– Это за что же?

– За то, что не считаешь, будто я умею управлять притонами только потому, что я женщина. Я бы даже не знала, с чего начать.

Я пожал плечами. Такая возможность мне даже в голову не приходила.

– Поможешь?

Анна кивнула, и вместе мы затащили труп обратно в здание и свалили его в угол к остальным. Как подсказывала память, под домом находится грязный погреб с земляным полом. Кто-нибудь из ребят сегодня выкопает там для них могилы. Анна взглянула на кучу тел и покачала головой.

– Надо бы на воздух. Идём?

Мы снова выбрались на двор, но теперь нас уже ждали там одиннадцать человек. Анна уже готова была звать отряд, но я поднял руку, приказав молчать. Эта компания была из самой многочисленной, хорошо вооружённой и злобной банды в Эллинбурге – из городской гвардии. Их предводитель был мне знаком. Капитан Роган, главный головорез губернатора. Полагаю, я должен был принять за честь, что он посетил меня самолично. Это был сильный, плотно скроенный мужчина лет под пятьдесят со стальным нагрудником поверх кольчуги и двумя золотыми звёздами на плечах, указывающими на высокое звание. Поговаривали – неспроста эти звёзды того же цвета, что шнурки у проституток, но ещё никто не отважился назвать Рогана «губернаторской подстилкой» в присутствии гвардейца. Как-никак головы летели с плеч и за более мелкие провинности, а иногда люди попросту пропадали без вести.

– Капитан Роган, – сказал я. – Какая честь.

Он посмотрел мне в глаза и нахмурился:

– Благ, ты отправишься с нами. С тобой желает поговорить Хауэр.

Рано или поздно мне предстоял этот разговор.

- Всё путём, Анна, - сказал я. - Скажи Йохану, что я ушёл проведать Дедушку.

- Есть, - ответила она, однако не сдвинулась с места. Анна так и стояла, зажав в ладонях рукояти кинжалов. Гвардейцев было одиннадцать, но я знал: чуть что - она ринется в атаку, выигрывая время, пока на подмогу не придёт отряд. Без сомнения, Анна Кровавая была лучшей правой рукой, какая только может быть.

- Всё путём, - повторил я и позволил капитану Рогану и гвардейцам себя увести.

Глава десятая

Никаким дедушкой губернатор Эллинбурга мне, естественно, не приходился - это был всего лишь такой уличный тайный язык. «Пойти проведать дедушку» означало, что тебя повязали, но это ничем плохим не грозит. Если грозило, это уже называлось «пойти проведать вдовушку» - тогда совсем другое дело. Скажи я так, между моим отрядом и гвардией завязалось бы генеральное сражение, и не знаю, чем бы оно завершилось. Числом что наших, что ихних было примерно поровну, но гвардейцы-то были и трезвы, и питались лучше, и доспехи у них были куда в большем порядке, к тому же у каждого помимо дубинки был клинок и свисток, которым можно было позвать на подмогу. Ну нет. В общем, я был рад тому, что проведу Дедушку.

- Вот не ждал, что ты вернёшься, - сказал мне Роган, пока мы шли переулком в блеклом свете от пары фонарей, - слышал, там, на юге, нашим жарковато пришлось.

- Да уж, жарковато - это точно, - ответил я. Роган воевал на последней, на тётушкиной войне, поэтому своим пренебрежительным тоном задеть меня не хотел. Просто так уж привыкли говорить ветераны - принижали истинный ужас всего, что с ними было. Этот способ помогал хоть как-то отрешиться от прошлого.

- Да. Что ж, теперь ты здесь, Томас Благ, и тебя желает видеть важная особа.

Ещё бы не желала. Этого я и ждал, но не так скоро. Впрочем, молва быстро разносится по улицам Эллинбурга, к тому же меня и в лицо неплохо запомнили.

– И желание это будет исполнено, капитан, – ответил я. – С гвардией мне ссориться не о чем и незачем, и вам это известно. Мне бы только встать потвёрже на ноги да навести порядок в доме. А там, глядишь, постоянные заработки пойдут, и заживём по-довоенному.

Конечно же, у меня с городской гвардией был договор, согласно которому они в обмен на моё серебро закрывали глаза на мои дела. Немалая часть этого серебра досталась лично капитану Рогану.

– Посмотрим, – ответил он, но я заметил – уголок его рта слегка приподнялся в алчной ухмылке. Капитан Роган был жесток и беспощаден, но был он также и порядочным хапугой, притом не без пороков. Главным среди них были ставки и азартные игры – до войны, если выдавалась хорошая неделя на скачках, я, бывало, отыгрывал все уплаченные ему взятки, да ещё и с лихвой.

– Надеюсь на это, капитан, – отозвался я. – Очень надеюсь.

Я дал им вывести себя из переулка и дальше в гору к губернаторскому дворцу, что лежал в тени Великого храма всех богов. В Эллинбурге не водилось замков, но дворец губернатора был почти ничем не хуже. Громадина эта из серого камня с узкими окнами и железными дверьми высилась неподалёку от конца Торгового ряда, точно боевой слон из Аларии. Из стены торчали опять-таки железные крючья, а висящие на них фонари бросали желтоватые отблески на площадь, где неровные булыжники сменялись правильной брусчаткой. На крыше развевался один-единственный королевский штандарт – его красное полотнище в темноте казалось почти чёрным. Вход неизменно стерегли двое гвардейцев, а вокруг днём и ночью рыскали патрули.

Роган отсалютовал страже, и те распахнули тяжелые двойные двери, чтобы впустить нашу компанию. Мы поднялись по ступеням в каменный зал, по которому гулко разносились звуки шагов. Внутри горели светильники, но немного. Час был поздний, а губернатор был бережливый, ну или пытался таким казаться.

– Ты ведь знаешь устав, – обратился ко мне Роган. Я отстегнул перевязь с мечами и протянул капитану Плакальщиц – Укоризну и Пощаду, не вынимая из ножен тяжёлые клинки. Тот передал их одному из гвардейцев и строго прищурился:

– Это всё?

– Я ведь занимался торговыми делами, а не ездил воевать. Это всё.

Меня всё равно обыскали, но я и не лгал. Роган вдруг фыркнул и отправил половину своего отряда обратно в казармы. Остальные пятеро сопроводили меня по длинному коридору и вверх на один пролёт по узкой лестнице, устроенной, очевидно, для прислуги. Величественная парадная лестница в главном зале не предназначалась для таких, как я; намёк был ясен.

Губернатор Хауэр обнаружился у себя в кабинете на втором этаже – восседал за большим столом с бокалом вина в руке. Даже в своём дорогом костюме, шитом на заказ, смотрелся он не в меру пузатым, к тому же светил плешью на полголовы. Жил губернатор роскошно, как бы ни пытался прослыть бережливым хозяином. Жил, по правде сказать, на излишне широкую ногу, что не лучшим образом сказывалось на здоровье. На вид можно было ему дать лет на десять больше действительного возраста.

Роган велел своим людям ждать в коридоре и уже в одиночку вошёл за мной в кабинет. Выражение лица губернатора меня насторожило. Я думал, что знаю, о чём предстоит разговор: о взятках, о денежных поборах и о том, как они, без сомнения, выросли, покуда меня не было. Теперь я не был в этом настолько уверен.

– Томас Благ, – протянул Хауэр.

– Да, господин губернатор, – ответил я. – Какая неожиданная любезность.

– А вот и нет, не неожиданная и совсем не любезность. Приведи мне хоть один довод, почему бы мне не приказать Рогану свернуть тебе шею.

– Чем же вам моя шея не угодила?

Тот воззрился на меня с гневом.

– Ты всего лишь пару дней как вернулся в Эллинбург, а город уже превращается в кладбище. В реке плавают трупы, переполох в обители – и не думай, будто матушка-настоятельница ни о чём мне не рассказала, – а теперь ещё и резня в Свечном закоулке. Ты, Благ, слишком уж распоясался.

– Я дрался на войне за королеву и за родину, и вот вернулся – и оказывается, меня обобрали до нитки, а мои люди у себя же дома мрут от голода. Думаете, могу я допустить такое?

– На войне ты дрался потому, что тебя призвали и принудили, так что не свисти мне тут. Королева и родина для тебя значат не больше, чем для меня, и оба мы об этом знаем.

Тут он был не прав, конечно, до известного предела, но сообщать об этом не было нужды. По крайней мере, пока.

– Это понятно, – говорю я вместо этого. – Так вы хотите, чтобы я безропотно сидел себе и смотрел, как другие наживаются на том, что я выстроил своими руками?

– Нет, – отвечал Хауэр. – Я так не думаю, и лишь поэтому ты ещё дышишь. Садись, Томас. Выпей вина.

Я сел в кресло с другой стороны стола, более чем уверенный, что сзади надо мной нависает фигура Рогана. Его могучими мозолистыми руками только бы шею и сворачивать, а я был безоружен. Не беззащитен, конечно, но кулаками у меня получалось орудовать куда хуже, чем у Йохана. Если дойдёт до этого, тогда уж буду бороться с Роганом. Так что я сидел и про себя возносил молитвы Госпоже о том, чтобы эта ночь не оказалась той самой, когда суждено мне переплыть реку. Потянулся за кубком и графином, налил себе вина. Вообще мне больше по вкусу брага, но негоже ведь брезговать оказанным гостеприимством. Вино было крепкое и для меня слишком приторное, но я всё-таки выпил.

– Что-то у вас есть на уме, – сказал я.

Губернатор сделал неторопливый глоток и прокашлялся.

– Не заметил ли ты чего-нибудь общего у всех, кого зарезал?

– Они боятся, – ответил я, вспомнив тех троих на постоялом дворе. – Кто бы ни был у них главарём, его они боятся больше, чем меня и моих ребят. Один что-то там проговорился о семье, которую держат в заложниках. А кроме того, я провёл в Эллинбурге всю свою жизнь, за вычетом войны, а никого из них в лицо не припоминаю.

– Кто-то приставил нож к горлу их детей, – сказал Хауэр.

– Кто же?

Он пропустил мой вопрос мимо ушей.

– Видел ли ты среди них чужеземцев?

– Был один. Высокий, белобрысый такой, волосы длинные. Не из наших краёв.

– Из Скании, – определил Хауэр.

– Вам лучше знать, – сказал я.

За школьной скамьёй просидел я всего несколько лет, выучился писать и производить самые простые расчёты, только и всего. Всякие там истории с географиями были для меня тайной за семью печатями. Я знал, что Скания – это где-то там, к северу, за морем, но не больше того.

– Уж я-то знаю, – заверил он. – Большая часть твоих противников – так, жалкий сброд вроде тебя, мелкая сошка, которой дали почувствовать свою значимость через насилие и краденое серебро. По преимуществу из сёл и местечек, да паратройка шишек покрупнее из Даннсбурга, чтобы держать остальных в узде. Они проявили осторожность и не стали нанимать никого из Эллинбурга, у кого бы нашлись другие связи. Верховодит у них, по слухам, некто по прозвищу Мясник, а откуда он сам, про то одни догадки. Никто даже толком не знает, кто он, на хрен, вообще такой.

Я проглотил обидные слова и задумался.

– А что же другие банды?

До войны Благочестивые имели в Эллинбурге значительное влияние, но, понятное дело, мы были не единственным уличным кланом, который делал деньги и отстёгивал гвардии. «Кишкорезам», «Аларийским королям» и всем прочим точно так же, как и нам, пришлось отправить многих на войну.

– Примерно то же самое, – сказал Хауэр. – Наши северные друзья не теряли времени даром, пока мужчины из Эллинбурга пропадали на войне.

Губернатор, надо заметить, на войне не был, хотя возраст у него был ещё призывной. На вид, может, так и не скажешь, но он был лишь на пару лет старше, чем я. Ещё не стар, чтобы воевать. Никто младше сорока не был слишком стар, чтобы воевать, когда за ним приходили вербовщики.

– Так кто же они, эти таинственные северные друзья? – спросил я. Хауэр прервался, наполнил кубок, и всё это время капитан Роган стоял прямо у меня за спиной, а его могучие руки были в непосредственной близости от моей шеи. В этом и заключалась главная мысль нашей беседы. Дело было не в насилии, которое я совершил, и даже не во взятках, которые я задолжал. Что бы ни хотел мне сообщить губернатор, сводилось всё к этому.

– Я и говорю, чужеземцы, – ответил Хауэр. – Из Скании, как тот, что тебе попался, и, похоже, он здесь такой не один. Они не то, что ты, Томас; никогда не совершай такой ошибки и с собой их не равняй. Нет, это птицы больше моего полёта. У себя в стране это как Слуги королевы. А теперь и здесь.

Я задумался. Слугами королевы называлась полусекретная часть монаршего двора. Губернатор к ним никоим образом не относился, так что он себе льстил, если считал по-другому. Это было дворянство совершенно особенного рода, оружием им служили не мечи и копья, а дипломатия, золото и ножи в спину в темноте. Слуги королевы были невидимы и неуловимы, по бумагам их и не существовало вовсе. Честные дельцы вроде меня пугали ими детей. Куда там вурдалакам с длинными скрюченными пальцами, какие только в сказках бывают – в тех страшных сказках, которые так обожают дети, зная, что всё это выдумки.

Слушайся папу, а не то придут Слуги королевы и унесут тебя в мешке. Вот чего стоило бояться.

- Это правда? - спросил я.

- Да, - заверил Хауэр. - А сейчас мне нужно быть с тобой честным, Томас, и кое-что тебе доверить. Могу я на тебя рассчитывать?

На миг взглянул я на него - на обвислые брылы и бисеринки пота на широком губернаторском лбу. Совсем не верилось, что он собирается быть со мной честным, к тому же я был уверен, что он доверяет мне не больше, чем я ему. И всё же в обычном ходе нашей беседы наметилась перемена, и это по меньшей мере вызвало у меня любопытство.

- Конечно, - сказал я.

- Сейчас в городе находится Слуга королевы, - сказал он. - Точнее сказать, Служанка.

- Сейчас, здесь?

- Именно.

- В чём же дело?

И, главное, к чему это ты ведёшь?

- В стране неспокойно, Благ. Дело тут тонкое, политическое, мелкому жулику, вроде тебя, не понять. Но тебе понимать ничего и не нужно. Тебе просто нужно делать, что велят. Велят тебе Слуги королевы: подпрыгни, так ты и подпрыгивай, понятно? Если ты человек думающий, будешь делать всё, что она тебе прикажет.

- Почему я? - я-то догадывался о точной причине, но всё же хотелось понять, знает ли о ней Хауэр. Тот пожал плечами:

– Мне было велено свести их с первым же главарём банды, что вернётся с войны в Эллинбург. Вот ты им и будешь.

Я не знал, насколько его словам можно верить. Из увиденного в Эллинбурге мог я заключить, что, похоже, я и вправду первый, но эта мысль меня не очень-то убеждала. Я подумал, что тут всё дело в истории. Истории из моего прошлого, о которой губернатор, кажется, так и не прознал.

– Ладно, – отвечаю я. – Кого мне ждать и когда?

– Не знаю, – первый раз в его словах уловил я некий холодок. – Женщину, вот и всё. Она из Слуг королевы, Томас, – ради всех богов, я её даже в лицо ни разу не видел. Она тебя сама найдёт.

Теперь в его взгляде явно читался страх. Я не мог отделаться от мысли, что губернатор как-то раз проснулся посреди ночи и обнаружил эту женщину у себя в спальне, а нож у неё в руке – приставленным к собственным яйцам, пока она отдавала свой приказ. Судя по тому, что я знал о Слугах королевы, примерно так всё и было. И это меня ничуть не удивило бы.

Глава одиннадцатая

Вернулся в «Руки кожевника» я уже к ночи. Почти все уже спали, только Сэм Простак стоял дозором у дверей, а Анна Кровавая ждала меня внутри.

– Что, во имя Госпожи, случилось?

– Всё хорошо, Анна, – ответил я. – Меня водили проведать Дедушку, только и всего.

– Водили, значит, – как я понял, ей уже рассказали, что это означает, – но тебя снова отпустили. Почему – и зачем?

Я вздохнул и плеснул себе браги.

– Губернатор захотел меня на пару слов. Ты пойми, как тут в Эллинбурге всё устроено. Мы – отряд, я – начальник, городская гвардия – это отряд покрупнее, а губернатор – начальник поважнее. Я должен платить ему налоги, так же как мои люди мне платят. Просто рыночные отношения.

Анна нахмурилась:

– Губернатор тут продажный?

– Губернатор тут делец, – ответил я. – Все мы тут дельцы, Анна.

Анна Кровавая была солдатом, а не преступником. Много было мне неизвестно о её прошлом, ни где она жила до войны, ни чем занималась, но она была честной и преданной. Это восхитительные качества для сержанта, но сейчас она моя правая рука в отряде Благочестивых, и пора бы ей узнать, как всё на самом деле устроено.

– Я вроде не дура, Томас, – оскорбилась Анна. – Подкуп – он и есть подкуп, так и называй.

– Ладно, давай так назовём, – согласился я. – Я подкупаю гвардию, чтобы она не лезла в дела Благочестивых, и так же поступают главари прочих городских кланов. Свою долю сливок снимает капитан Роган, что-то перепадает гвардейцам, а всё остальное загребает себе губернатор. Вот так тут всё и работает.

Я с пренебрежением пожал плечами и осмотрел комнату. У камина Мика резался в карты с Браком – оба выглядели более-менее трезвыми, а все остальные, кажется, уже отправились на боковую.

– А где Йохан? – спросил я.

Моей правой рукой была Анна, но Йохан до сих пор мнил таковым себя, так что по всем правилам это он должен был меня дожидаться. Но это было не так. И, как по мне, говорило о многом.

– Спит у чёрного хода, – ответила Анна. – Выпил немного.

Выдул бутылку браги, да, поди, и не одну, и отрубился – вот что она хотела сказать. Я кивнул.

– Как там Хари?

– Лучше, – теперь Анне стало как-то неудобно. – Гораздо лучше.

– Вот и славно, – сказал я.

Она опустила взгляд и долго рассматривала носки своих сапог и молчала. Мне это было знакомо. Точно так же она вела себя под Абингоном, когда требовалось доложить мне, что ещё кто-нибудь помер. С таким видом Анна сообщала плохие новости, но если Хари лучше, что это за новости, было непонятно. Я отхлебнул из стакана и стал ждать, давая ей время подобрать нужные слова.

– Ему намного лучше, – наконец проговорила она. – Доктору Кордину надо было уйти, так что немного с ним посидел Билли Байстриук, а потом он уже и привставал, и ел, и снова пришёл в сознание. А сегодня утром, Томас, он назвал меня полковником и спросил, далеко ли до Абингона. Он был так далеко, почти уже умирал из-за такой большой кровопотери, а теперь... живой.

– Ну так хорошо же, – говорю я. – Разве нет?

Я внимательно посмотрел на Анну, и та кивнула.

– Да, хорошо. Знаю, он не из нашего отряда, но кажется, что человек добрый.

– Он часть нашего отряда. Теперь-то уж точно. Все они теперь Благочестивые, Анна.

– Да, – повторила она. – Прямо как Билли Байстриук.

Я согласился. Видно было – Анна побаивается мальчишку, и это неудивительно. Знал я, что его точно боится сэр Эланд, с той самой ночи в лесу под Мессией. Порой мне и самому бывало не по себе, хотя трудно определить, из-за чего именно. Отмеченный богиней, подумал я. Никогда двенадцатилетнему не стать исповедником и провидцем – а Билли был и тем и другим.

- Не умолчала ли ты о чём-нибудь, Анна Кровавая?

- Да можешь сам поглядеть, - ответила та.

Я прошёл за Анной на кухню, а там, как она и говорила, у постели Хари сидел Билли Байстрик. Надо признать, Хари действительно выглядел получше. Сейчас он опять уснул, но с лица сошла эта жуткая восковая бледность, и на щёки постепенно возвращался румянец. Билли сидел на столе, скрестив ноги и уперев в него немигающий взгляд. Иногда он уходил в себя - в этом для него не было ничего необычного.

Конец ознакомительного фрагмента.

Купить: https://tellnovel.com/ru/maklin_piter/kostyanoy-kapellan

Текст предоставлен ООО «ИТ»

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: [Купить](#)